15 коп.

Куйбышевское
книжное
издательство
1981

Клавдия Киршина

Вот какая история

Клавдия Киршина

Вот какая история

РАССКАЗЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО
ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

КУЙБЫШЕВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1981

Р2
К43

Киршина К.

К43 Вот какая история. — Куйбышев: кн. изд-во, 1981, — 80 с.

Герои коротких рассказов Клавдии Даниловны Киршиной — обыкновенные девчонки и мальчишки. Об их повседневной жизни с первыми самостоятельными решениями и поступками, об их заботах и радостях, о том, как они учатся видеть и понимать красоту и сложность окружающей жизни, отличать добро от зла, и рассказывает писательница в этой книжке.

К $\frac{70803\text{-}016}{М148(03)\text{-}81}$ 47-81 4803010102 Р2

© Куйбышевское книжное издательство, 1981

Вот какая история!

ДЕДОВЫ РОМАШКИ

— Ну и жарища, дышать нечем! — сказала бабушка. — Поехали, Константин, за Волгу. Обед у меня готов, мать с отцом без нас поедят. А мы тоже найдём чем подкрепиться на вольном воздухе.

Костик готов был плясать от радости. Любит он ездить с бабушкой на ту сторону. И очень нравится ему слово «подкрепиться». Не то что скучные, домашние: «позавтракать», «пообедать», «покушать».

«Подкрепиться» — так, наверно, путешественники говорят», — думает Костя. Шли, значит, шли, притомились. Устроили привал — сели на травку под развесистым деревом. Достали из походной сумки пирожки с капустой, чай в термосе. Закусили, отдохнули маленько — и снова в путь крепкие, сильные.

Бабушка тоже уложила в сумку пакет с пирожками. Для путешествия она печёт их как-то по-особенному. Дома таких вкусных почему-то не бывает.

Собрались в дорогу не мешкая. Бабушка надела синее, в белый горошек, платье, закрутила косу на затылке. У Кости же какие сборы? Майка и трусы на нём, натянул на стриженую голову панамку, и вся недолга.

Пришли к пристани. Там уже началась посадка на баржу-самоходку. Народу было много, все диванчики оказались занятыми, но какой-то усатый парень встал и сказал бабушке:

— Садитесь, пожалуйста!

Она хотела посадить Костю к себе на колени. А зачем? Стоять у самого борта куда интереснее.

Пока самоходка не отчалила, Костя видел электро-

станцию с целым лесом чёрных труб, забор, кирпичное заводское здание. Когда же начали отплывать от берега, город стал вырастать, разворачиваться, будто раздвижная книжка-картинка.

Набережная над каменной стеной, с деревьями, с фонарями, растянулась во всю длину. Справа, повыше, — густая зелень парка. За ней, ещё выше, — красный, с белой отделкой, театр. А слева, на взгорье, достаёт до неба тонкая игла — Монумент Славы. Всё это бабушка показывала Косте, и он без ошибки узнавал приметные места.

Скоро город совсем отдалился. Зато приблизился другой берег — жёлтый песок, кудрявый кустарник, тёмный лес. Костя снял тапочки, чтобы сбежать босиком на сушу. Сбежать-то сбежал, да сразу сбавил прыть — песок за пятки хватает, придерживает. Приходится выволакивать из него ступни, шаг за шагом. Смешно — сам рвёшься вперёд, а ноги отстают.

Бабушке, конечно, ещё труднее идти. Костя слышит её тяжёлое дыхание. Только она не сдаётся:

— Ничего, добредём, нам не к спеху.

Наконец показался над песчаным откосом будто лёгкий дымок от невидимого костра. Но это не дымок, это ивушка выделяется среди других деревьев своей сизой листвой. Бабушка всегда с ней здоровается: «Здравствуй, голубка! Как жива-здорова? Никто тебя не заломал, не обидел?»

«Наша дача» — называет бабушка этот уголок. Ей удобно сидеть под ивушкой — голова в тени, а ноги на солнцепёке, чтобы косточки прогревались. Из волос она вынимает шпильки, спускает косу на спину. Ах, как легко, как славно! И книжка под рукой, и очки не забыты дома. Что ещё надо человеку для отдыха?

У Кости свои заботы. Он заметил серую птичку, которая расхаживает на тонких ножках у самой воды. Расхаживает, кланяется, старательно машет длинным хвостиком — вверх-вниз, вверх-вниз.

— Бабушка, это кто? — спросил он шёпотом.

— Трясогузка, — ответила она, взглянув на птичку из-под очков. — Видишь, подкрепляется.

Костик засмеялся:

— Трясогузка, что ли, тоже путешественница?

— А как же? Крылья-то у неё на что? Даже в тёплые страны летает.

Бабушка опять уткнулась в книжку. А из травы внезапно выскочил кузнечик, перемахнул через тропинку, сел на пенёк. Костя вздрогнул от неожиданности, но тут же начал охоту. Подкрался к зелёному прыгуну, протянул руку, а тот порх — и опять где-то в траве. Пришлось и бегать за ним, и ползать, и падать, пока не удалось изловчиться, накрыть панамкой. Зато уж и рассмотрел Костя досконально жёсткие складные ножки, длинные усы, шишечки-глаза, совсем на глаза не похожие. Потом разжал пальцы — и кузнечик стреканул в чащу, только его и видели. Обрадовался, наверно. Может, к своим деткам поскакал.

Костя стал продираться сквозь цепкие заросли, где, как ему казалось, ещё не ступала нога человека. Перед самым его носом качнулась на кустике ягода вроде малины. Только малина как бы слеплена из красных шариков, а эта незнакомка — из чёрных.

— Бабушка, я что-то нашёл! — крикнул Костик. Она сразу отозвалась, ей ведь тоже всё интересно. Заглянула в кусты.

— Ой, ежевика поспевает! — Осторожно отвела рукой ветку с шершавыми листьями на белой подкладке. — Смотри-ка, и тут смуглянки притаились! Попробуй, какие кисленькие, освежись!

Костя привык есть покупные ягоды. А здесь — прямо с веточки. Здорово! И верно — освежают, даже пить почти расхотелось.

Принялись вдвоём обшаривать кустарник. Костя каждую ежевичинку встречал восторженным воплем. Бабушка усмехалась, напевала тихонько любимую песню про Стеньки Разина челны.

Вдруг она замолкла. Остановилась как вкопанная, смотрит куда-то поверх Костиной головы.

Костя поднялся на цыпочки, тоже поглядел в ту сторону. Открылась ему полянка с белыми ромашками. Никого на ней нет. У бабушки же... слёзы на глазах!

Испугался Костик, потянул её за рукав.

— Ба-аба, ты что?

Она будто вернулась откуда-то издалека, будто не сразу его узнала.

Когда расположились отдыхать на своей «даче», Костя выпытал у бабушки, что случилось. Оказывается, вспомнилось ей, как давным-давно, ещё девчонкой, приезжала сюда с весёлой компанией.

— Целый день здесь провели. Исходили весь ближний лесок. И нашли полянку, белым-белую от ромашек. Хотели было рвать их, да жалко стало. До дому всё равно не довезёшь, завянут.

Тут Вася, наш главный заводила, придумал: «Подарим полянку Сашеньке!» Мне, стало быть. Я в том году школу кончила, вот и поздравили меня так, богатый подарок преподнесли.

Никакой устали мы тогда не знали. Вышли на берег, пустились бегать вперегонки. Это я теперь хожу-переваливаюсь, а в то время быстроногой была. Ношусь во весь дух, за спиной, на отлёте, коса бьётся. Один мальчишка и скажи: «Прямо помелом след заметает!» Все засмеялись, только Вася распетушился. Покраснел, кинулся на того мальчишку. Намял бы ему бока, если бы я не остановила. «Что ты? — говорю. — Из-за пустяка — чуть не в драку. Я на него и не сержусь вовсе». — «Грубость не пустяк!» — отрезал Вася. И всё-таки заставил насмешника извиниться.

Разладилось наше веселье. Потянулись мы к пристани, где дымил пароходик «Пчелка», который тогда перевозил пассажиров через Волгу. А Вася вдруг взбежал по сыпучему откосу и скрылся за деревьями. «Ещё какие-то фокусы, — проворчал кто-то из ребят.— Жди его теперь». Но Вася не заставил ждать. Примчал-

ся с цветами. Даёт их мне и говорит: «Вплети в свою красавицу косу...»

Да... Сорвал с моей полянки четыре ромашки, ровным счетом. В первый и в последний раз.

— В последний? — переспросил Костя.

— Вскоре после того Вася уехал в Астрахань, в речное училище. Потом и я к нему перебралась. Стал он служить на катере «Отважный». Хорошо мы жили, да недолго — грянула война. Танюше, твоей маме, два года было, когда я привезла её сюда, к родным. А Васе вернуться не довелось.

Косте известно, что катер «Отважный» разбомбили фашисты под Сталинградом. Он вывозил из горящего города детей, женщин, раненых бойцов. Три раза, под жестоким вражеским огнем, переправил баржу через Волгу, многих людей спас. Больше пробиться не удалось. Вся команда погибла на боевом посту.

Дома висит на стене большая карточка, на которой снят бравый матрос в чёрном бушлате со светлыми пуговицами. Фуражка надвинута на самые брови — так все речники носят, чтобы солнце не мешало смотреть вперёд. Взгляд у матроса пристальный, будто он всё замечает, что дома без него делается. На подбородке знакомая вмятинка — у самого Кости такая же. Бабушка уверяет, что он вообще вылитый дедушка Вася.

Из-за этой карточки Костя чуть не поругался со своим дружком Валерой.

— Ври больше! Таких дедушек не бывает! Ври больше! — твердил Валера. Спасибо, мама выручила:

— Никто тебе не врёт. Просто наш дедушка не успел состариться...

— Увидела я нынче ту полянку, и сердце зашлось, — продолжала бабушка рассказывать. — Неужто моя, заветная? А ромашки уставились на меня. Качают головками: «Нет, мы тебя не знаем...»

На голое Костино плечо упала холодная капля. Бабушка всполошилась:

— Ивушка плачет!

И правда — сизый листок уронил ещё одну прозрачную слезинку.

— Почему? — изумился Костя.

— К дождю, примета верная. То-то я чувствую — парит очень. Надо собираться домой.

Пока она складывала чашки-ложки, пока причёсывалась, Костя успел сбегать на ромашковую полянку. Как это он раньше не замечал, до чего красивы эти цветы — белые звёзды, золотой глазок. Зачем только они бабушку обидели, не признали!

Принес он ей ромашки — четыре ровным счетом. Она взяла их бережно-бережно и молча посмотрела на него. Её синие глаза сделались такими сияющими, какими были, наверно, у той девчонки Сашеньки.

— Вплети ромашки в косу, — сказал Костя.

Бабушка охнула:

— Опомнись, милок! Хочешь, чтобы меня люди на смех подняли? Скажут: «Сдурела старуха». Мне цветы теперь не к лицу.

— Нет, к лицу, к лицу! — настаивал Костя. — И вовсе ты не старуха.

Но разве переспоришь её? Стоит на своём.

И после, на самоходке, Костя приглядывался к бабушке. Да, волосы у неё седые, на лице морщинки. Ну и что? Добрые морщинки, даже весёлые. Стоит ей улыбнуться — разбегаются от глаз тонкими лучиками. Когда Костя был поменьше, рисовал солнце в таких лучиках...

— Ты на Волгу погляди, — сказала бабушка, — здесь-то вода светлая, ласковая, видишь? А вон там, у Лысой горы, у Студёного оврага, какая?

Из-за горы нехотя выползало большое хмурое облако. Волга под ним потемнела, подернулась рябью, потеряла блеск.

— Скоро покажет свой крутой норов. А ты не бойся, нас не застигнет. Ивушка загодя предупредила.

— Я и не боюсь, — возразил Костя.

— Ну конечно, ты у нас весь в деда. Вася даже любил бурю. Померяться силами с Волгой, вывести

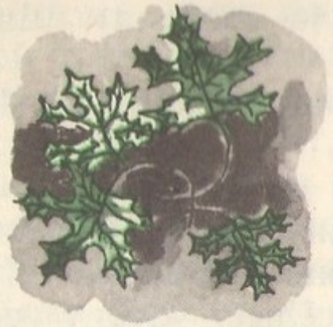
шлюпку навстречу волне — первое для него бывало удовольствие. Гребёт широким махом, перелетает с волны на волну, как с горы на гору, разбивает в пыль белую пену. Даже с берега страшно смотреть!.. Смолоду копил силы для той огненной переправы... Знаешь что? Давай в его честь спустим ромашки на воду. Пусть плывут.

— До самого Сталинграда?

— Он теперь Волгоградом называется. Может, и до самого, как знать.

Бабушка не бросила цветы за борт, а тихонько выпустила из рук. Лёгкая волна приняла их, с поклоном передала другой, та понесла дальше... Быстро пропали из виду три белые звёздочки.

А четвёртую бабушка себе оставила. Положила в книжку — на память.



КТО СОРИЛ НА ДОРОЖКЕ

Наташин дедушка — дворник. Хотя есть у него и другое рабочее звание: столяр. Был он мастером на мебельной фабрике. Сколько вышло из-под его рук разных шкафов, диванов — не сосчитать. Но в последнее время начал он обижаться на свои руки:

— Подменили мне их, что ли? Будто сроду тонкой работы не делывали. Не слушаются, и всё тут!

И хочешь не хочешь, пришлось на пенсию уходить.

Наташа жалела деда. По себе знала, каково это, когда руки не слушаются. Разве хотела она разбить расписную вазу? Взяла, чтобы полюбоваться, а пальцы сами выронили. Вот и у дедушки, видно, тоже...

А он тужил-тужил да и надумал стать дворником.

Из-за этого были дома неприятности. Наташина мама сердилась:

— Ну почему вам не отдыхается? Или чего недостаёт?

— Не желаю сиднем сидеть, — отвечал дедушка.— Ежели без дела останусь — пиши пропало.

Наташа, конечно, сразу ввязалась в разговор:

— Как это — писать пропало?

Но в ответ получила ещё более мудрёное:

— А так, стало быть: слезай, приехали!

«Куда приехали?» — хотела спросить она. Только не успела. Папа решительно сказал:

— Делай, батя, как знаешь. Тебе видней.

— А нам каково? — не унималась мама. — Люди небось думают: «Хороша семейка! Нет старику покоя».

— Кто чего думает, не ведаю, а спасибо от людей слышу. Вот и любо-дорого.

— Ага! — поддержала Наташа дедушку. При ней соседи говорили:

— Спасибо вам, Фёдор Кузьмич! Чище нашего двора теперь во всём квартале нет.

Сказать по правде, чистота двора прежде Наташу не больно заботила. Случалось, кидала, не разбирая куда, конфетные обёртки, яблочные огрызки. Теперь пригляделась: каждую бумажку дед из травы на газоне выуживает, и газон сразу становится как новенький — зелёный-зелёный. А ухоженные асфальтовые дорожки блестят, будто вымытые половички. Хоть босиком шлёпай, как дома!

И вот, когда некоторые ребята забывались, Наташа стала напоминать, что не зря у ворот есть урна. Дедушка похвалил её за это, назвал помощницей. Да ещё метёлочку сделал аккуратную, с невысоким черенком, как раз по росту. Ребята даже завидовали, на перебой просили:

— Да-ай помести!

— Ну, ежели вы все до работы охочие, каждому будет к зиме лопатка, — пообещал дед. — Милое дело — сообща сугробы сдвигать, снежную гору строить.

На своей-то горе, ух и катанье пойдёт, что твои Олимпийские игры! Любо-дорого.

— А к Новому году смастерим всем смешные маски, будет у нас карнавал! — подхватила соседская девушка Лиза. Она в школе вожатая у пионеров и во дворе тоже любит играть с ребятами. — Вам, Фёдор Кузьмич, и маски не надо. Только к вашим усам ещё бы бороду — вылитый был бы Дед Мороз.

Дедушка засмеялся и сказал, что ладно, отпустит и бороду.

«Скорей бы зима наступала», — думали ребята. Но приходилось ждать да ждать. На клумбе ещё доцветали рыжие бархатцы. Над газоном легко реяли седые паутинки. Правда, хмурые облака расползались по небу всё шире, но солнце находило в них синие промоины, выглядывало, пригревало землю.

Однажды утром дедушка прибрал во дворе, устал, пришёл домой чай пить. Наташа тоже попила с ним чайку и отправилась гулять. Вышла и глазам не поверила: кто-то уже успел намусорить!

У первого подъезда девочки прыгали через скакалку. На круглой песочнице малыши возводили крепость.

— Не вы накидали листьев? — строго спросила Наташа тех и других.

Но все в один голос отказались:

— Нет, что ты!

«Неужели сам дедушка плохо подмёл? Может, опять руки не послушались?» — встревожилась Наташа и поскорее взяла свою метёлку. Не оставлять же так. Ну-ка, выйдет он, расстроится... Смела листья в сторонку к забору и тоже принялась прыгать с подружками. До того напрыгалась — щекам горячо! Села отдохнуть на скамейку. Глядь, на дорожке-то — снова листья!

Что же это такое, в самом деле? Она старалась вроде, чисто мела. Или тоже руки виноваты? Или кто-то сорит исподтишка, нарочно? Наташа снова взялась за метёлку. А после встала у подъезда: «Всё равно подкараулю, кого ни на есть».

Стояла-стояла, ждала-ждала—нет никого. Хотела уж бросить свой караульный пост, как вдруг откуда-то сверху не спеша слетел жёлтый листик. Разлёгся на дорожке, вытянул хвостик. А к нему, смотри-ка, снижается другой, третий, четвёртый...

Поглядела Наташа вверх и увидела... И увидела, чего прежде никогда не видела: тёмное-тёмное, всё в тучах, небо, а у дома — тёплый золотой свет. Что за чудеса? Да это же великан тополь утаил в себе солнышко и светится, и как будто греет.

Растёт тополь в соседнем дворе, но и сюда дотянулся. Махнул веткой через забор, кинул пригоршню листьев Наташе под ноги. И стоит опять смирно, как ни в чем не бывало. Ишь какую игру затеял!

— Прощается с нами осень, дарит золотинки на память,—сказала Лиза, которая тоже вышла во двор.— А мы их подберём. И оранжевый листик хорош. И этот, в зелёную крапинку... И тот, с коричневой каёмкой... Прогладим утюгом, они так и останутся как живые. На всю зиму сохраним солнце в букете.

Ну и придумщица эта глазастая Лиза! Все ребята бросились собирать листья. Кому не захочется принести домой солнечный букет?

А Наташа-то развеселилась! Ведь подкараулила она не кого-нибудь, а осень. Стало быть, ничьи руки ни в чём не виноваты. Вот и любо-дорого, как говорит дед.

КАК ГАЛИНКА ГОРОДУ ПОМОГЛА

Есть в нашем городе улицы, которые идут под уклон, прямо к Волге. Одни сходят осторожно, ступеньками, другие—ровным асфальтовым скатом. Спускаешься по

такому скату и ног под собой не чуешь, летишь налегке, всё скорей да скорей.

Вот и девочка Галинка пошла-полетела, красное платье колокольчиком, короткие косички в стороны. Но мама схватила её за руку:

— Погоди, подруженька, пойдём вместе. А то разбежишься, ой-ой-ой, канешь в Волгу с головой!

— Ну да уж! — засмеялась Галинка. И мама засмеялась тоже. Обе знают, что внизу не сразу вода, хоть и видно её издалека. Сначала там набережная. Стоят деревья рядами, раскинули мохнатые ветки, готовы подхватить тебя в случае чего.

Только и подхватывать не надо — дальше ещё ограда сделана. Крепкая, из железных обручей. Будто катятся по линейке чёрные обручи, цепляются друг за дружку, край за край.

Подошла Галинка с мамой к самой ограде. Мама вдруг широко развела руки, вздохнула, как на зарядке:

— А-ах!.. Сколько света, сколько неба!

Небо и вправду здесь просторное. Над городом оно голубеет, над рекой, над тёмным лесом за Волгой. У себя во дворе такого не увидишь.

Да и вообще, такой красоты больше нигде нет. Набережная наша тянется по краю города, как зелёная кайма. Цветы — пунцовые, жёлтые, синие — вышивка на этой кайме. А поодаль, на пологом склоне, новые дома. Выглядывают через головы друг друга, будто любопытные великаны, которым тоже хочется смотреть на Волгу...

— Было бы время, каждый бы день сюда ходила!— говорит мама.

Железная ограда выше Галинки. Не беда — там, где обручи сцепились, есть куда ноги поставить. Потом подтянись на руках, и всё-всё тебе поверху видно.

Гладко стелется внизу песочек — пляж, где купальщики загорают. И вот у песка-то, наконец, вода. Шевелится, вздыхает, взблёскивает.

Дальше глядеть глазам невтерпёж: растеклось в

реке, разбрызгалось солнце. Но у Галинки есть кепочка с прозрачным козырьком. Надела — и никакой блеск не слепит.

Играют, вьются на воде золотые солнечные змейки, алеет бакен у жёлтой песчаной косы. А вон что-то белое показалось вдали. Ближе, ближе, больше, больше...

— Трёхпалубный! — угадала Галинка. — Мама, трёхпалубный!

— Прямо не идёт, а шествует! — восхитилась мама. — Нос-то какой высокий, любую волну одолеет. Богатырский теплоход.

Окошки на теплоходе в три ряда. Под окошками человечки гуляют, вот счастливые! Улицы у них там, или это балконы?

— Палубы, — подсказала мама. — Сама же кричишь: «трёх-палубный!».

На верхней палубе — две толстые трубы с голубой опояской. На тонкой мачте флаг клинышком-огоньком колышется, горит — не сгорает. А за кормой—пенные хвосты на две стороны: расходятся волны к берегам.

Закачался, закланялся вслед теплоходу алый бакен. Захлопала, забормотала вода у песка, завились на ней белые чубчики... На пляже поднялся визг—волна-озорница подхватила чьи-то тапочки, поволокла за собой. Ладно, что длинноногий мальчишка кинулся наперерез, успел отнять.

А теплоход тем временем уходил всё дальше, делался всё меньше. Вот он повернул носом к берегу, пошёл поперёк Волги к речному вокзалу. Речной вокзал у нас приметный, отовсюду его узнаешь по высокой гостинице, которая называется «Россия». Галинка знает, что есть ещё шоколадная фабрика «Россия»,—может, поэтому гостиница кажется ей издали похожей на шоколадку в клетчатой обёртке.

Навстречу теплоходу отплыла от причала остроносая «Ракета». Привстала на своих подводных крыльях и... чиркнула по воде одним махом мимо всей набережной, пропала за косой, ищи-свищи!

— А работяга плетётся себе потихоньку, покряхтывает, — сказала мама про серый катерок, который тащил баржу с холмиками щебёнки. — Старательный.

Вдруг, откуда ни возьмись, моторка. Проскочила перед катером, почти впритирку, зажужжала на всю Волгу.

— Лихачи! — возмутился какой-то прохожий. А Галинке понравилось, она тоже принялась жужжать что есть мочи. Но мама скоро потребовала выключить мотор...

Видели они ещё баржу-самоходку, плавучий подъёмный кран. Самоходка взрезала воду, как длинный меч. Кран двигался медленно, его высокая ажурная стрела покачивалась, и было немножко боязно, казалось: дунь ветер — он и опрокинется...

Однако долго на ограде не провисишь, руки у Галинки затекли. И мама устала стоять, оглянулась — где тут поблизости скамейка? Оглянулась и Галинка, и... сразу спрыгнула на дорожку.

По аллее шёл народ. Прямо целая демонстрация, как на Первое мая. Только не флаги над головами, а три-четыре пёстрых зонтика. Яркие платья, оживлённый говор, весёлые лица...

— Это с того теплохода гости-туристы пожаловали, — шепнула мама.

Неужели те самые, которые гуляли там, на палубах? Галинка обрадовалась им, как старым знакомым. И хотя мама велела отойти в сторонку, не мешать людям, она не послушалась. Наоборот, выступила навстречу и громко сказала:

— Здравствуйте, люди!

Гости остановились, заулыбались. Седой мужчина снял шляпу, поклонился и помахал ею перед собой («Как мушкетёр», — подумала Галинка, она видела в кино мушкетёров).

— Здравствуй, девочка! — ответил он за всех.

Тогда большеглазая женщина в полосатом сарафане всплеснула загорелыми руками и воскликнула:

— Товарищи! Смотрите, как хорошо встретил нас город Куйбышев!

Пошли туристы дальше. Многие оборачивались, кивали на прощание Галинке. Шумная женщина даже послала ей воздушный поцелуй.

А Галинка недоумевала: «Это ведь я с ними поздоровалась, а не город...»

Но разве город умеет разговаривать? Он перед приезжими только красуется. А голоса у него наши, человечьи. Сегодня Галинка помогла ему приветить гостей, завтра кто-нибудь другой поможет.

ДВОР НЕПУГАНЫХ ПТИЦ

А мы переехали на новую квартиру! Мама с папой всё ходят и смотрят на стенки, на потолок. Никак не насмотрятся. И я тоже рада. Теперь хоть бегом бегай — стулья не выставляют острых углов.

Только и старую квартиру я всё равно не забуду. А наше окно даже во сне видела.

Мама сама говорит:

— Это было не окно, а настоящее чудо.

Снаружи рос мохнатый ка-ли-фор-ний-ский клён. Он доставал длинной веткой—мама говорит «лапой»— до самого окна. И тихонько шуршал по стеклу листьями.

Распахнём, бывало, обе створки, а клён тянется к нам и дышит. Прямо в лицо дышит, так прохладно-прохладно.

Солнце процеживалось сквозь листья, и свет у нас в комнате был немножко зелёный. Но и золотые пятнышки проблескивали. На полу и на столе шевелились

тени. Подкрадывались к светлым пятнышкам. А те убегали, перепрыгивали то туда то сюда.

Мама говорила:

— Братцы! Мы же с вами будто не в городе живём. А знаете где? В избушке лесника...

Осенью когда листья опадали, в комнате делалось всё светлее и белее. Но тут начинались новые чудеса.

Добрый клён подставлял свою лапу синицам. Они слетались на неё целыми стайками.

— Здравствуйте, приятели! — говорила мама. — Счастливой вам зимовки!

В нашей форточке открывалось тогда птичье кафе под названием «Тень-тень». Мы клали туда дощечку и насыпали на неё семечки-подсолнушки.

Гостей не приходилось долго ждать. Они бочком подбирались по ветке ближе и ближе к окну. Подбираются, а сами быстро-быстро оглядываются, вертятся во все стороны. То прижмутся к ветке комочком, то выпрямятся на тонких ножках, будто встанут на цыпочки.

— Ну и нарядные, ну и щеголихи! — говорила мама.

И верно, нарядные. Чёрные шапочки надвинуты на самый клювик. Чёрные нагрудники у всех — у одних широкие, у других узенькие, как галстук. Жёлтенькие бока, зелёные спинки. А на крыльях полоски. Смотришь не насмотришься!..

Нет, они не бросались на угощение все сразу.

Слетит с ветки одна синица, юркнет в форточку, схватит семечко — и снова на ветку. Прижмёт лапкой семечко к ветке, долбит клювом кожурку — прямо как молоточком, — достаёт вкусное зёрнышко. А в кафе залетает другая, потом третья. По очереди!

Я думала, что все птицы так. Но вот нагрянули к нам воробьи. Шум подняли, писк! Дерутся, выхватывают семечки один у другого.

— Эх вы, баламутники! — сказала мама. — Кто

же врывается такой оравой? Учились бы деликатности у синиц. Тоже ведь вашего воробьиного семейства, а ни суеты, ни драки.

Залетела к нам однажды синица, чем-то на своих родственников непохожая. Сначала я никак понять не могла — чем. А потом присмотрелась — да ведь она без хвоста! Правда-правда — только серая пушинка завивается сзади.

Так и стали мы звать ту синицу — Бесхвостик.

Может, она у кошки в лапах побывала? Кто знает... Но характер у неё, по-моему, от этого не испортился. Такая же, как все, весёлая вертунья.

Сидит как-то Бесхвостик в кафе и роется в семечках: одно схватит — выплюнет, второе склюнет—вышвырнет.

Вдруг вспорхнула на доску ещё одна синица и скоком-скоком, выпятив грудку, — на Бесхвостика. Та — прыг в сторону и вниз головой повисла, держится за край кормушки обеими лапками. А задира всё наскакивает да наскакивает, даже крылья чуть-чуть растопырила. Пришлось Бесхвостику ни с чем улететь. Наверно, задира её за свою не признала, вот и прогнала.

— Ишь какой Хозяин Пичугин, — засмеялась мама, которая тоже всё видела.

Я рассердилась: что ещё за хозяин выискался, не дал Бесхвостику семечко выбрать. Но мама сказала:

— Поделом. Не копайся, не задерживай очередь.

Этого Хозяина Пичугина я с тех пор приметила. Он большой. И шапочка у него не вся чёрная — на затылке жёлтое пятно. Будто кто-то обмакнул палец в краску и припечатал ему на головку.

Появились у нас тогда и другие знакомцы.

Была Старушка — толстенькая такая. Вкатится в кафе пухлым шариком, сгорбится, крылышки на спине — точь-в-точь бабушкина шаль с каймой.

Ещё была немножко взъерошенная — С-Начёсом-Хохолок. Вроде нашей соседки Маринки, которая свою

чёлку наоборот расчёсывает — снизу вверх. Склонит эта синичка набок головку, блеснёт чёрным глазом — ни дать ни взять Маринка перед зеркалом!

Случилось так, что ветер сдвинул дощечку. И наше кафе сломалось. Упала дощечка на подоконник между рамами, как в стеклянный колодец. Конечно, и семечки туда же просыпались. А из комнаты окно не открывалось, его на зиму замазкой промазали. Что делать?

Пока мы раздумывали, С-Начёсом-Хохолок села на дверцу форточки. Видно, она была разведчица. Повертелась-повертелась и храбро нырнула вниз. Слетела сначала на ручку рамы, потом на подоконник. Оттуда с добычей в клюве — опять на ручку, на дверцу, на ветку.

И в точности так же, по трём ступенькам—дверца, ручка, подоконник — стали сновать другие синицы. Значит, сидели в сторонке и запоминали, что делает разведчица. Вот какие умницы!

Весело было у нас по утрам. Особенно когда воскресенье. И папа с мамой не идут на работу. Проснёмся и слушаем синичье теньканье. И начинаем придумывать, на что оно похоже.

— Это тоненькие стальные спицы задевают друг дружку, — говорит мама. — Зиме чулки вяжут. Собирают в дорогу. Далеко ей топать, на Северный полюс.

И мне кажется, будто это моя Старушка-В-Шали-С-Каймой сидит где-то со спицами и клубком шерсти...

— А вот и весенняя капель, — скажет мама в другой раз. — Слышите, капелки-горошинки падают в ледяную лунку: звень, звень, звень.

— Капель! — удивляется папа. — Да ты посмотри на окно, как его заузорило. Мороз-то на дворе какой! С белым блеском, с хрустом, с треском.

Но мама стоит на своём:

— Ну и пусть мороз. А синицы не зря твердят: «Что ни день, что ни день, что ни день!» Это про вес-

ну — она ведь всё ближе, что ни день. Я синицам верю, они высоко летают, им видней.

«Не Бесхвостик ли это весну торопит? — думала я. — Ему, поди-ка, холоднее других с одной пушинкой-то вместо хвоста...»

Мы встаём, принимаемся за дела. Я одеваюсь, умываюсь, а сама всё пою:

Звень-звень, что ни день!
Звень-звень, что ни день!

А папа смеётся:

— Выдумщицы вы у меня, девчонки!

Один раз я услышала какое-то чудное теньканье. Больно уж громкое и уши режет. Поглядела из окна во двор. А там незнакомый мальчишка: задрал голову — не знаю, как только шапка на голове держится. Меня не видит, шарит быстрыми глазами по нашему клёну. И клетка в руках.

Это он птичек подманивает!

Побежала я на крыльцо, и мама за мной. А мальчишка во дворе уже не один. С ним начал разговор дедушка Егор Иваныч, наш сосед с нижнего этажа.

— Та-ак. Стало быть, одни люди с кормушкой, а ты тут как тут — с ловушкой!

И я скорее крикнула:

— Как не стыдно! Уходи со своей клеткой!

А мама дёрнула меня за рукав и шепнула:

— Погоди.

— Погодите, — остановила она и Егора Иваныча. — Надо объяснить человеку. Видишь, парень, какое дело: ведь у нас тут заповедник.

— Ну да-а! — не поверил мальчишка.

— Да, мам? — удивилась и я.

— А как же? Двор Непуганых Птиц, — сказала она.

— И я про то же толкую, — подхватил Егор Иваныч. — Пичуги, говорю, нам доверяют, так, будь добр, не роняй нашего авторитету.

Мальчишка топтался на снегу и ворчал себе под нос:

— Запове-едник! Тогда уж охрану поставьте. Напишите на заборе: «Сюда нельзя, строго воспрещается».

Егор Иваныч приложил к уху руку в толстой варежке:

— Чего-чего? Давай погромче, не стесняйся, охрану тебе надо? А если просто — на совесть?

— Вот именно! — обрадовалась мама. — Очень просто: на совесть...

Видели вы когда-нибудь, как моргает филин на свету? Хлоп-хлоп глазищами. Я видела в живом уголке, в детском саду. Вот и этот мальчишка в точности так же: хлоп-хлоп. А потом с клеткой под мышкой зашагал со двора — с нашего Двора Непуганых Птиц.

...Тот старый дом уже снесли, на его месте строится новый, большой. Мы живём на другой улице, на пятом этаже. Никакой клён не дотянется до наших окон.

— Зато у нас неба много, — говорит мама. — И облака теперь наши, и звёзды.

— А синицы? — спрашиваю я.

— Синицы на лето в лес улетели. А что будет осенью — увидим, — отвечает мама. — По-моему, было бы кафе, а гости явятся. Что для них, крылатых, какой-то пятый этаж!

Может, те самые прилетят, которые дружили с нами на старой квартире?

А может, теперь уже у других окон будут виться и тенькать мои Бесхвостик и Старушка, и разведчица С-Начёсом-Хохолок, и Хозяин Пичугин с жёлтым пятном на макушке.

Если вы их увидите, знайте — они доверяют людям.

КАТИНО НОВОСЕЛЬЕ

Девочку, рассказ которой про птичье кафе «Тень-тень» я записала, зовут Катей. Глазастая такая девчонка, приметливая. Не просто смотрит вокруг, а вглядывается в каждую малость, будто всё ей непременно запомнить надо. Не глаза у неё — буравчики! Да ещё и нос любопытный — тоже глядит на мир в обе свои круглые дырочки.

Переехала Катя с мамой и папой в большой дом речников. Жил тут до них молодой механик с танкера «Игарка», но захотелось ему настоящую Игарку повидать, он и подался с родной ласковой Волги на далёкий суровый Енисей. Вот квартира и освободилась.

На другой день после переезда Катя встала раным-рано. Папа с мамой тоже поднялись чуть свет, хотя могли бы и не беспокоиться — отсюда на работу не опоздаешь. До речного порта рукой подать, не то что от старой квартиры. Только не до сна новосёлам — ещё не все полки прибиты, занавески не повешены.

А Катя пошла во двор. Не терпелось ей поскорее осмотреть свои новые владения. Вчера, в суматохе, ничего не успела увидеть как следует.

Вышла Катя из подъезда. Под ноги стелется асфальтовая дорожка — узенький тротуар. Рядом с тротуаром — полоска газона, как зелёная травяная рамка. На тонких деревцах — совсем новенькие блестящие листочки...

Постояла Катя возле ближнего деревца. Здравствуйте! Да ведь это будущий клён! Потрогала ветку, провела пальцем по листку — познакомилась.

Тряхнул кленок чубом: «Привет!»

Он здесь тоже недавний житель. Стало быть, обоим повезло: хороший друг-приятель каждому нужен.

Двинулась Катя дальше.

Ух какой гриб вырос на пути — красная шляпа-крыша с белыми лепёхами. Вокруг ножки гриба кренделем изогнулась низенькая скамейка.

Села Катя на скамейку, поворошила рукой прохладный песок, нашла блестящую чёрную галечку. Такую гладкую гальку собирала она у реки Самарки. А здесь прямо во дворе — речной песок. Надо же!

Смотрит Катя — в дальнем конце двора новые новости! Может, она вовсе и не во двор попала? Может, это пионерский лагерь «Восток», где Катя была прошлым летом? Так же, как в лагере, нацелилась в небо серебристая ракета со звездой на борту. С одной стороны можно взобраться на звёздный корабль по трапу, с другой — съехать оттуда вниз, как с горки, на собственных салазках, приземлиться без парашюта.

За ракетой между двух столбов сетка натянута — пожалуйста, играй, перекидывай мячик. И турник есть, и лесенка для лазания. Так же, как в лагере!

У того дома, где жила Катя раньше, двор был маленький. Отгораживал его от улицы деревянный забор со скрипучими воротами, с гремучей щеколдой у калитки. А тут никакого забора нет и в помине. Построились дома-великанищи четырехугольником, фасадами на четыре улицы. Снаружи получается квартал, а внутри — целая площадь. Даже не поймёшь: чей же двор, которого дома?

Стоит Катя посредине той площади, озирается. И дома уставились на неё со всех сторон глазами-окошками. Ну и ну!

Поёжилась Катя. Как-то неловко, неуютно стало ей под пристальными взглядами множества стеклянных немигающих глаз. И поспешила она обратно к своему подъезду, чуть не бегом пустилась.

Клён у подъезда укоризненно качнул веткой: «Струсила, Катерина?» Но это только почудилось Кате. За-

чем деревцу её укорять? Известно, на новом месте не сразу освоишься. Сначала корешки пустить надо.

А ведь первые корешки-зацепки у Кати уже есть. Появились они вчера, во время переезда.

Вселялось Катино семейство в новую квартиру под вечер. Во дворе в такую пору всегда народ. Ребята, конечно, сразу обступили автофургон с новосёлами. Столько набежало — наверно, хватило бы на целый класс. И собака беленькая с ними — кружит, всем под ноги тычется, заглядывает в лица, не поймёт, что делать: лаять или радоваться?

Пришёл усатый бравый дед в синем кителе, поздравил с прибытием. Высокая румяная женщина в пёстром платье подкатила коляску, в которой спал щекастый младенец.

Мама велела Кате подавать с машины горшки с цветами, а сама принимала их, ставила рядком на землю.

— Батюшки, да у вас настоящий сад!—восхитилась женщина. — Давайте помогу перетаскивать. Страсть как люблю цветы! Давайте!

— Ой, что вы, спасибо! — засмущалась мама. — У вас же малыш...

— Он не проснётся, хоть из пушек пали. А коль проснётся, тоже не велика беда. Станислав его покачает. Так что руки мои не связаны, не беспокойтесь.

Катя думала, что Станислав — это кто-то взрослый, может, отец малыша. Но за ручку коляски взялся мальчик, по виду немногим старше Кати. Полосатый свитер, короткие штанишки, светлые завитки волос... Смуглое лицо мальчика, всё покрытое сизым пушком, напомнило Кате персики, которые папа привозил из Волгограда...

Видно, не слишком обрадовался Станислав, что ему доверяют ребёнка, даже губы немного надул и брови собрал бугорками.

— Я бы тоже лучше помогал бы перетаскиваться, — проворчал он.

Женщина никакого внимания на его ворчание не обратила. Она подняла с земли горшок с цветущей фуксией.

— Чур я понесу эту красотку! Никогда таких не видывала.

Фуксия в её руках затрясла фиолетовыми серьгами, загордилась.

— А мне дайте, пожалуйста, вон того ёжика и вон того зайчишку, — попросила большая девочка в пионерском галстуке, очень похожая на Станислава. Сразу догадаешься, что его сестра, — такое же персиковое лицо и светлые завитки.

Кате понравилось, как сестра Станислава назвала мамины малютки кактусы. И правда, круглый кактус выставил колючки, сидит на земле ёж ежом. А другой навострил два длинных, плоских, совсем заячьих ушка.

Ребята похватали остальные цветы: бородатый аспарагус, белую пахучую герань, бегонию с красными листьями. Весь этот живой сад Катина мама повела за собой в подъезд. Сама она несла старый фикус— память о бабушке, которая его растила.

Кате цветка не досталось. Вот тебе и раз!

— Прелестно. Цветы украшают жизнь. А мебель значит, мы с тобой будем сгружать? — осведомился шофёр, спрыгнув с подножки кабины. Загорелый — и когда успел, вроде и солнце ещё не припекало, — большерукий, он оглядел собравшихся у фургона людей чёрными горячими глазами. — Главной рабочей силы не вижу.

— Рабочая сила — вот она, разрешите представиться, — засмеялся Катин папа. Он как раз подошёл к подъезду, а с ним два его товарища из порта.

— Мы, такелажники, тут как тут, по пятам за вами следовали.

— Да и нас не скидывай со счетов, — неожиданно вмешался дед в кителе. — Прокидаешься такими парнями.

Даже некоторые любители домино, сидевшие в сто-

ронке за длинным столом, бросили костяшки, тоже взялись помогать.

— Соседство — взаимное дело, — сказал кто-то из них.

Боевая пошла разгрузка.

Когда фургон разгрузили, шофёр выразительно смерил глазами высоту дома.

— Теперь придётся решать задачу посложней! Ладно уж, и я останусь, рейс у меня последний. Где наша не пропадала, пойду с вами на приступ!

— Да, пятый этаж не шуточки, — вздохнул Катин папа.

— Сюда бы мой портальный кран. Подавали бы шкафы, кровати прямо с земли в окошко.

— Избаловались вы, крановщики, — заявил дед,— вконец избаловались! Всё бы вам в кабине сидеть, рычагами двигать. А мы бывалоче...

— Ничего, и у нас руки не крюки, — перебил его папин товарищ и повернул свою кепку козырьком назад. — Ну-ка, раз-два — взяли!..

Мужчины занялись тяжёлой мебелью. Отстраняли осторожно ретивого деда, покрикивали на мальчишек:

— Не путайтесь под ногами! Николка, отгони своего пса. Смотри, хвост ему отдавим — визгу не оберёшься.

— Не прилаживайся к тумбочке, Сергей. Она же не пустая, со швейной машиной, куда тебе! Каши мало ел.

— А ты, Петрусь, за что берёшься? Тащил бы табуретку, так нет, пылесос ему надо, «Ракету». Видели «ракетоносителя»?

— Такого не бывает, — солидно возразил Петрусь, худощавый парнишка в очках, — бывает ракета-носитель.

— Свяжись вот со знатоком, враз оконфузишься...

Катя удивлялась — всем нелегко, а почему-то весело.

Сама она тоже работала: таскала наверх кастрюли,

вёдра, щётки-веники. И ей было весело брать приступом высоту в такой большой компании.

Во дворе остался только ящик, набитый книгами, когда носильщики устроили перекур. Лица у всех блестели, на рубашках выступили тёмные пятна. Не зря сказал Катин папа: пятый этаж — не шуточки.

Открыв ящик, шофёр присвистнул.

— Самая трудоёмкая операция — переноска книг... Чудное дело! Что такое книги? Слова, мысли, так? А какой вес!

— Вот что, мужики, — засуетился дед. — Вы курите себе, отдыхайте. А мы с ребятнёй покажем, как бывалоче самарские грузчики с баржи на берег арбузы перекидывали. У всякого Филатки свои ухватки!

Построил дед ребят в одну шеренгу, велел рассчитаться по порядку номеров. Насчиталось девятнадцать человек да еще Катя — двадцатая.

— Веди, Наталья, всю артель, расставляй на лестнице друг от дружки шага на три-четыре,—сказал дед сестре Станислава. — Как раз до пятого этажа цепочку дотянешь.

Дед вынимал из ящика книжку за книжкой и объявлял во всеуслышание:

— Пушкин Александр Сергеевич... Да-а, к нему не зарастёт народная тропа... Гоголь Николай Васильевич... За одного Тараса Бульбу отдашь всё, и то мало!.. Некрасов Николай Алексеевич... Эх, полным-полна коробушка, знатная библиотека у тебя, Стёпа.

Это он Катиного отца уже запросто Стёпой звал!

— С детских лет собираю, — ответил папа. — Вот устроимся — заходите, Илья Петрович, выбирайте любую на вкус. Милости просим!

Катя только глазами хлопала—надо же, будто давно свои!

Впрочем, хлопать глазами некогда было. Дед Илья Петрович подавал Кате книги пачку за пачкой. Катя шагала к Станиславу, который освободился от коляски, потому что младенца уже тютюшкала мать. У Ста-

нислава пачку принимал Петрусь и устремлялся к дверям подъезда. Там её подхватывали проворные руки Николки, а Петрусь опять возвращался на своё место. Белый Николкин пёс вьюном вился между ними, крутил хвостом напропалую.

В лестничные окна всех пяти этажей было видно, как снуют ребята взад-вперёд, летит наверх книжная эстафета, летит без задержки.

Не успели мужчины выкурить по сигаретке — ящик опустел.

— Может, скажете: к большому-то костру легко щепу подгребать? — прищурившись, спросил дед. — А кто сокрушался: «трудоёмкая операция»?

— Да здравствуют камышинские арбузы и самарские грузчики! — закричал шофёр. — Качать ветерана!

Едва отбился Илья Петрович от его ухватистых рук. Наташину артель, высыпавшую из подъезда, встретили аплодисментами. Шуму было! Тут и собачонка не выдержала, залилась восторженным лаем.

Катина мама тоже спустилась во двор.

— Ой спасибо, ой спасибо, — повторяла она, прижимая к груди ладошки. — Ой спасибо, милые вы мои товарищи соседи! Ждём вас теперь в субботу на новоселье. И вы приезжайте, — поклонилась она шофёру, — всех покорнейше прошу!

Вот какие корешки-зацепки, какие крепкие ниточки уже держат Катю на новом месте.

— А ты говоришь: «трусиха», — сказала она деревцу. — Я только в пустом этом дворище с непривычки потерялась. А выйдут люди — все будто давно свои.

ПЕРВАЯ РОЛЬ

Катин папа — крановщик в порту, он с работы домой приходит. А вот в соседней квартире хозяина нет.

— Ополовинена семья, Мариша, — пожаловалась соседка тётя Варя Катиной маме. — Виктор мой на самоходке. Утюжит Волгу из конца в конец. А мы с дочкой на мели сидим.

— Почему? — спросила мама. — Или на большой барже-самоходке места нет? Должны же быть для семейных каюты. Вон у Поляковых окна зашторены, у Горячкиных дверь на замке — все ушли в плавание.

— Есть каюта, в прошлогоднюю навигацию мы тоже всем табором кочевали. А нынче в другие рейсы ходим: через день в больницу. Уколы, анализы, прогревания — конца-краю нет. Сплоховала наша Ика-бука...

Ика — двухлетняя дочка тёти Вари. Букой мать сама нечаянно её прозвала. «Бука ты, бука, чего ты всё дичишься, за меня прячешься?» — укорила она однажды девчонку. Было это во дворе, кто-то услышал, кто-то повторил — так слово и прилипло.

Ика-бука и правда дикарка. От матери не отстаёт — как за уткой утёнок, спешит-переваливается, загребает косолапыми ножками.

Кинут ребята Ике-буке мячик, она только посмотрит на него, а ловить даже не подумает. Дунут в петушка-свистульку — Ика-бука сразу хныкать. Губы сковородником, глаза, как говорят, на мокром месте.

Сядет с ней мать на скамейку под грибом, Ика-бука начнет песок совком черпать. Начерпает ведёрко— высыплет, начерпает — высыплет, вот и вся игра. Ребя-

там неинтересно. Стали они Ику-буку стороной обходить. И Кате сказали: «Неважный у девчонки характер, ничем её не проймёшь. Да и некогда с малышнёй возиться»...

И верно — некогда было. Во дворе открывался кукольный театр, шли последние репетиции. На большой афише плясали разноцветные буквы, призывные слова:

«ТРИ МЕДВЕДЯ», «ТРИ МЕДВЕДЯ», «ТРИ МЕДВЕДЯ»
Премьера! Премьера! Премьера!
Завтра в 2 часа.
ПРИХОДИТЕ ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ!

За длинным столом, где по вечерам собираются любители домино, молодая художница Виктория Антоновна — высокая румяная женщина из пятой квартиры — доделывала декорацию. Славная у неё получилась лесная хижина, с двумя комнатками внутри.

Рядом с Викторией Антоновной стояла коляска, в которой спал её сынишка.

— Счастье ваше, что Алешка — такой беспробудный засоня, — говорила художница ребятам, — у меня руки не связаны.

А руки у неё ловкие—она и ширму отличную смастерила для театра, и показала мальчикам, как мебель для медвежьей избушки вырезать из картона. И артистов она же учила водить куклы.

Кате тоже дали роль. Ей досталась кукла — медвежонок Мишутка. Плюшевый, коричневый, с горбиком на загривке. Уши — мягкие комочки, глаза — чёрные бусинки, красный язычок виднеется изо рта — ну, детёныш! Значит, голосок у него должен быть тонкий-тонкий.

— Кто сидел на моем стульчике и сломал его?.. Кто пробовал мою кашу и съел её?.. Кто спит на моей

кроватке? — Катя твердила это накануне спектакля весь вечер, пока папа не взмолился:

— Может, хватит? А то и я сейчас, пожалуй, тонким голосом запищу!

— Потерпи, — шепнула ему мама, — первая роль, это ведь не так себе!

Утром длинно зазвенел звонок в Катиной прихожей. Мама бросилась к двери. На лестничной площадке стояла тётя Варя. Бледная, платье перекошено, пуговицы не в те петли вдеты.

— Мариша, в Астрахань меня вызывают. Виктора там на берег сняли. Авария была, ушибло его, Маришенька!

Мама стала успокаивать соседку:

— Нельзя раньше времени убиваться, голову терять, опускать руки. — При этом быстро-быстро перестегнула пуговки на тёти Варином платье, поправила косынку на её кудрях. — Собирайся, Варя, не мешкай. А дочку с нами оставь. У меня же отпуск, пусть тебя ничто не заботит. Сейчас заберу Ику.

— Да нет, зачем же? К нам бабушка пришла, моя родная тётка. Я за ней мальчишек со двора посылала. Всё сделает старуха, что требуется. Одного боюсь...— тётя Варя опасливо оглянулась на свою дверь и понизила голос до шёпота. — Суровый она человек. Обревётся моя доченька.

— Ты сама-то не реви, — остановила её мама, — плохого вперед не загадывай. Идем, помогу собраться, бабушке представлюсь.

Ох и концерт закатила Ика-бука после отъезда матери! Во дворе слышно было — это с верхнего-то, с пятого этажа! Катя с мамой прибежали на крик.

— Долбишь, долбишь Варваре: не цацкайся с ребёнком! Нет, всё норовит по-своему, старших ни во что не ставит, — ворчала бабушка-тётка. — Полюбуйтесь — девчонка на подлад не даётся, микстуру не пьёт.

Пытались все вместе уговорить Ику-буку, Катина мама пробовала на руки её взять — куда там! Слышать ничего не хочет, слезами обливается. Что делать?

— А ничего! — рассердилась бабка. — Пусть голосит. Авось золотая слеза не выкатится. — И, хлопнув дверью, ушла на кухню.

Ика-бука внезапно затихла, округлила глаза. Тёмные чёрточки-бровки поползли высоко, к самой чёлке... Испугалась, что ли, громкого стука? Нет, не на дверь смотрит, а на правую Катину руку.

Тут Катя спохватилась — ведь на правой руке у неё медвежонок! Как водила его дома, репетировала, так и сюда с ним примчалась.

Мама подмигнула — действуй, мол, — да вслед за бабушкой-тёткой вон из комнаты, чтоб не мешать.

Поставила Катя медвежонка на спинку кровати, как на театральную ширму. Поклонился он, сверкнул чёрными бусинками.

— Здравствуй, Ика! А меня Мишуткой зовут. Погляди, какой я весёлый! — И давай приседать, туда-сюда поворачиваться, головой трясти.

Как мы пустимся в пляс,
Не насмотритесь на нас.
Трам-там, та-ра-рам,
Тара-рам-там, там-там-там!

Будто солнышко сквозь дождь проглянуло — улыбнулась Ика-бука несмелой улыбкой, прояснилось заплаканное лицо, заиграли ямочки на щеках. И почему-то Кате ещё больше стало её жалко.

— Ах ты моя хорошая, — сказал Мишутка. — Будешь со мной дружить?

Ика-бука согласно кивнула. А медвежонок спрыгнул с кровати на стол, обхватил неуклюжими лапами пузырёк с микстурой.

Будем, будем мы дружить
И лекарство вместе пить!..

— Налей, пожалуйста, — попросил он Катю, — сначала я попробую. — Лизнул ложку фланелевым язычком, причмокнул: — Вкусно! Два глотка мне, два глотка Ике.

Ика-бука послушно разинула рот...

В комнату заглянула бабушка, поманила Катю:

— Твоя мать на рынок уехала, ключ велела тебе передать. На, держи. Только погоди уходить, мне тоже отлучиться надо. Домой сбегаю, мне там пенсию должны принести. Я мигом. Каша не успеет остыть — вернусь.

Сбросила фартук, повязалась платком и убежала бойкая старуха. Только ключ в замке щёлкнул. Вот тебе и «Погоди уходить!»

Мишутка стал рассказывать Ике-буке сказку про трёх медведей. Изображал по очереди всех Топтыгиных: отца Михаила Ивановича, мать Настасью Петровну, себя самого — сыночка.

Потом они с Катей кормили Ику-буку манной кашей, которая успела остыть, поили молоком. А когда затуманились у девочки глаза, лёг медвежонок рядом с ней на подушку. Ика обняла его, прижалась к нему щекой. Пришлось Кате запеть колыбельную: «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю...»

— Бам-м, бам-м, бам-м, — донеслось со двора. Катя ринулась к окну. Да, это гонг созывал публику на представление — Станислав ударял палкой в старый медный таз. На площадке уже скамейки расставлены, зрители занимают места. Артисты суетятся за ширмой, Виктория Антоновна с ними. Удивляются, наверно: куда Катя с Мишуткой запропастились?

Спит Ика-бука, посапывает, а медвежонка крепко держит. Потянула его Катя к себе — не отпускает. Да и зачем тянуть? Замок-то защёлкнулся..

— Баю-баюшки-баю, баю-баюшки-баю, — повторяла Катя, бегая от окна к двери, от двери к окну. Впору самой зареветь в голос...

На лестнице застучало, забухало. Нетерпеливые кулаки ребят дубасили дверь Катиной квартиры. Катя выскочила в прихожую, закричала:

— Вам кого? Вам кого? Я здесь, у соседей.

Её услышали.

— У соседей! Она у соседей! Спектакль срывается. Выходи!..

Когда ребята узнали, в чём дело, постояли, посовещались и приказали:

— Скорее выбрасывай Мишку из окна. Мы во дворе его поймаем. Найдём тебе замену.

Обидно Кате — ишь, «найдём замену»! Но ничего другого не придумаешь. Опять стала она тянуть к себе медвежонка, опять Ика-бука не отпускала.

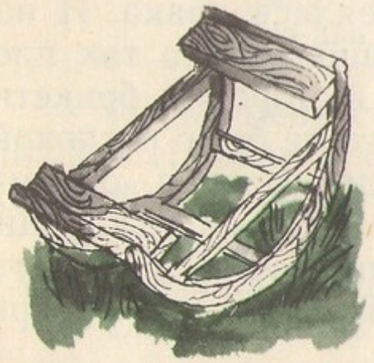
Щёлкнул дверной замок. Явилась наконец-то бабка-тётка. За ней — сердитые артисты.

— Почему не выбросила Мишку? — накинулись они на Катю. — Весь двор смеётся. «Вот так премьера!» Пришлось из-за тебя отменять.

Бабка вступилась:

— Что за переполох? Ну задержала я маленько Катерину. Так ведь не без дела шаталась. В порт бегала. Звонили оттуда в Астрахань. Оказывается, у нашего Виктора перелом ноги. Могло быть хуже, говорят, но теперь ничего, отлежится, Варвара его домой привезёт...

Притихли ребята. Посмотрели на Ику-буку. Спит, ничего не слышит, ни о чём не тужит. Повернулась набок, свернулась калачиком, разрумянилась. А из-под её щеки лукаво, одной бусинкой, выглядывает Мишутка. Дескать, вы как хотите, а я свою роль сыграл, мне и горя мало!



ПРО ОДНОГО БЕДНЯГУ

Чего только не затевают ребята в своём большом дворе! То они космонавты — высаживаются на планете Марс; то капитаны трёхпалубных судов — шлюзуются перед выходом в Жигулёвское море... Или просто бегают за мячиком, играют в догонялки, в прятушки-кулюкушки...

А после беготни хорошо посидеть рядком, потолковать ладком. Сколько услышишь, сколько узнаешь! Ведь каждый может рассказать что-нибудь такое, чего ты раньше и не слыхивал...

У нас во дворе полно малышей. Они любят, когда с ними играет Наташа. Наташе хорошо, она уже пионерка. Их в отряде всему учат. А что я? Я пока октябрёнок. И зовут меня Стасик.

Но когда Наташа в школе или ещё где-нибудь, во дворе только и слышно:

— Эй, где ты, Станислав? Займи маленьких, Станислав!

Наверное, потому, что я Наташин брат, вот и должен занимать.

Малыши ходят за мной, глядят и ждут, что будет дальше. Это по их глазам видно. А что будет? Всякое у нас во дворе бывает.

Вот привезли нам качалки-промокашки. Знаете, наверно, почему их так прозвали? Потому что они вроде пресса, которым чернила промокают. Так же качаются, будто кланяются: вперёд-назад. Только пресс маленький, на столе стоит, а качалки большие... Ух как налетели на них ребята! Будто сроду не видывали. Я бы и сам налетел, да удержался. Пускай, думаю, по крайней мере, занимать никого не надо. Сами займутся.

Вдруг у третьего подъезда затеялась драка. И начал-то кто?! Валентин, «мороженщик»! Его так прозвали потому, что всегда он сидел в сторонке, брикетики лепил из песка. Никакого от него не было беспокойства. А тут — взъерошился, ноздри раздул, обеими, руками в Колькину рубашку вцепился. Колька одну ногу в качалку закинул, другой на земле стоит, чуть не падает. А Валентин тянет его изо всех сил и кричит:

— Не твоя качалка! Уходи к своему подъезду! Не твоя качалка!

— А твоя, что ли? — отбивается Колька. — Твоя да?

— А вот и моя! Раз у нашей двери, значит, моя!

Шум вокруг поднялся.

— Хозяин какой выискался, — возмущаются ребята, — ему одному качалку к двери поставили!

Стал и я Валентина стыдить, руки его от Колькиной рубахи отдирать. А он ногами брыкается.

— Ты, — кричит, — тоже не в нашем подъезде живёшь, твоё какое дело?!

Держу я Валентина за руки и не знаю, что делать. Так бы и наподдал, да ведь заревёт на весь двор. А ребята, которые нас окружили, потянулись куда-то в сторону. Смотрю — это они к моей Наташе. Она стоит у газона, сумку с книгами на землю бросила, в ладоши хлопает и приговаривает:

— Ах, что нам привезли! Ах, новые качалки! Какие жёлтенькие! Даже внутри... Тоня, Юрик, садитесь, покачаю.

Посадила Наташа самых маленьких, стала качать. Качает и поёт:

Вот в качалке-промокашке
Антонина и Юрашка!
Раз-два, раз-два,
Не кружится голова?

— Не-ет! — кричат они и хохочут, за борта держатся, будто в лодке на волнах.

А Наташа уже других сажает и опять поёт:

А сейчас, а сейчас
Сядут Костик и Тарас!
Раз-два, раз-два,
Не кружится голова?

— И про меня спой! И про меня! — просят малыши. Все собрались у той качалки, прыгают, радуются. Каждый ждёт своей очереди, своей песенки.

Бросил я Вальку и тоже пошёл к ним. А пока шёл, и у меня песенка сочинилась. И я сказал Наташе на ухо:

— Спой ещё вон про него. Знаешь как? Вот так:

А жадюга Валентин
Пусть качается один!

— Тс-с! — зашипела на меня Наташа и закрыла мне рот ладошкой. — Тс-с! Не надо в песне обзываться.

Поглядела она, как Валентин у третьего подъезда

трудится, сам себя раскачивает, аж покраснел весь, помолчала немножко, тряхнула косами и спела жалостливым голосом:

Ах, бедняга Валентин!
Он качается один!..

И тут он ка-ак заревёт! На весь двор! Целую качалку один захватил и ревёт.

Чудно! Неужели слово «бедняга» такое обидное? А я и не знал.

ВОТ КАКАЯ ИСТОРИЯ

А эту историю услышала я от Николки. «Собачий шеф» — так зовут Николку во дворе. А он вовсе и не обижается. Шмыгнет в ответ конопатым носом, усмехнётся... И без весёлого мохнатого спутника — никуда!

«Пускать в ход кулаки — распоследнее дело», — любимые слова моей бабушки. Не выносит она, когда дерутся. Разве, говорит, это по-людски, рукам волю-то давать?

Хоть бабушка и женщина, а женщины вообще, по-моему, не дерутся, но я с ней всё же согласен. Чего хорошего в драке? Ну скажите сами, только откровенно. Тебя стукнут — обидно и больно. Ты стукнешь — тоже мало радости...

Но вот какая вышла у нас прошлой зимой история.

Пристал к нашему двору бродяжка пёс. Если бы его выкупать, он стал бы беленький, а так был какого-то неопределённого грязного цвета. Но мы всё равно Бельчиком его назвали. Вот, думаем, будет лето, сходим с ним на речку и выкупаем.

Ноги у Бельчика короткие. Уши мохнатые, торчком, только самые кончики вперёд свисают. А морда до того весёлая — так и кажется: вот-вот улыбнётся.

Все во дворе его привечали. Кто косточку вынесет, кто хлеба кусок. А я один раз семечки грыз и насыпал немножко на снег. Может, думаю, и ему понравятся?

Бельчик склонил голову набок, посмотрел на меня и... тоже стал грызть семечки. Слизывает со снега, жуёт, только треск стоит! Но, видно, не очень понравились — морщится, головой трясёт, кожурки вместе с зёрнышками выплёвывает. По-моему, он просто из вежливости грыз. Неудобно было отказываться, раз я угощал.

Хороший, словом, пёсик. Ласковый. Кто бы его ни погладил, он в ответ знай хвостом виляет. Не зарычит, не оскалится. Я хотел сразу взять его к себе домой, да мне не разрешили.

Вот иду я однажды из хлебного магазина и вижу: стоит у наших ворот парень в высокой такой шапке. Да и сам-то длиннущий. А перед ним Бельчик. Как всегда, хвостом крутит, заглядывает парню в лицо. Смотрю — тот наклонился. Чмокает толстыми губами, протягивает руку. Бельчик с радостью к нему! Подпрыгнул даже. И вдруг как взвизгнет, как отскочит. Выбежал на мостовую, лапой трёт нос. И скулит — ну совсем будто плачет.

А парню смешно! Прямо стоять не может от смеха, присел на корточки. Машет рукой, а в руке папироска. С дымком.

Тут я понял: он ткнул горящую папироску Бельчику в нос! Сам не знаю, что со мной сделалось, только кинулся я на этого губастого. Стукнул куда попало своей тяжёлой сумкой с хлебом. Он и выпрямиться не успел — как сядет в снег, ноги в стороны. И шапка с головы слетела.

Конечно, он тут же поднялся во весь рост. И сдачи не пожалел. Пошёл я домой с расквашенным носом.

Не успел дойти до своего подъезда — навстречу мне бабушка. Ну, думаю, сейчас и от неё влетит. Сейчас

скажет: «Вот что значит пускать в ход кулаки. Распоследнее дело!» И ещё пуще стало мне обидно. Чуть-чуть не заревел, сознаюсь.

Но бабушка сказала:

— Видела я из окна твои похождения. Забирай домой собаку, хватит ей беспризорничать.

А насчёт кулаков — ни слова.

Вот какая история.

Я САМ

Нынче осенью у меня началась совсем новая жизнь. Я теперь школьник. Учусь в первом классе. И живу не дома, а в своей новой школе-интернате.

Я ещё не знаю, сколько в нашей школе ребят. Может, сто, а может, и двести. Всех не упомнишь. Но вот пионера Федю я с того самого первого сентября запомнил.

Нам тогда школу показывали — и классы, и спальни, и столовую. Мне больше всего понравилась мастерская, где верстаки стоят и так хорошо пахнет досками.

Я туда потом ещё сам, один, побежал. Заглянул в дверь, смотрю—большие мальчики работают. Все в одинаковых синих халатах. Пилят, строгают! А у самой двери за верстаком стоит высокий парень, волосы чёрные—щёткой. Лица-то я тогда не очень разглядел. А вот руки—это да! Как у фокусника в цирке. Пилой раз-раз, туда-сюда, и готово — доска пополам! Потом схватили руки какую-то штучку вроде пароходика с трубой назад. И давай этим пароходиком по доске — ширк-ширк-ширк-ширк! И будто пена из-под пароходика —

белые стружки колечками! А занозистая доска прямо на глазах делалась гладкой.

— Ну чего торчишь в дверях? Заходи, не бойся!— Это он меня позвал. — Небось тоже охота постолярничать? На вот, ширкни разок рубанком.

Оказывается, эта штука вроде пароходика — рубанок. Его вовсе не так уж легко по доске водить...

— Подрастёшь — научишься! — сказал Федя.

А что он Федя, я уже знал. Потому что другие ребята то и дело к нему подходили.

— Федя, погляди, ровно получилось?

— Федя, дай угольник...

— Федя, я кончил!

Наверное, он у них какой-нибудь главный. Может, бригадир, как мой папа в цехе...

И вот сегодня наша учительница Мария Ивановна сказала:

— Сейчас к нам придёт шеф.

Я думал, шеф — это какой-то дяденька. Но вдруг вижу: входит мой знакомый Федя-бригадир. Эх, я и обрадовался!

А он поставил на парту длинный ящичек и опять, как фокусник, поднял крышку. Там, внутри, было много перегородочек.

— Это, — говорит, — вам для чернильниц. Для каждой чернильницы своё гнёздышко. Составите их сюда после уроков и уберёте в шкаф. — И ещё он дал всем по беленькой палочке. — Это палочки-выручалочки. Будете водить по строчкам в букваре, ни одно слово не потеряете!

Мария Ивановна руку ему пожала.

— Неужто, — спрашивает, — сам смастерил? Как из магазина. Вот спасибо-то!

Тут и мы все закричали:

— Спасибо, спасибо!

— Я не один мастерил, с товарищами, — сказал Федя. — Да ещё то ли мы умеем! Сами и парты красили, и столы полировали для вас. И вы, когда подрастёте, всему научитесь. Такая уж наша школа-интернат!

— Они и теперь уже учатся, — похвалила нас Мария Ивановна. — Расскажите-ка, что вы умеете делать сами.

Тут Иринка — есть у нас в классе такая девочка, которая всегда первая руку поднимает, — вызвалась ответить:

— Я сама постель застилаю!

— А я сам ботинки вычистил — во, гляди! — похвалился Миша.

— А я цветы полил на всех окнах, — заявил Игорёк.

И пошло, будто игра такая: «Я сам!» да «Я сам!». Наперегонки.

Мне тоже хотелось скорее сказать «Я сам». Только не про пустяки, а про какое-то дело, чтобы получше, потрудней.

Очень хотелось отличиться — ведь Федя меня узнал, он мне даже кивнул!

Но пока я придумывал, как отличиться, Федя наклонился над крайним столом, и его чёрные брови прямо сошлись друг с дружкой.

Увидел я, на что он смотрит, и стало у меня внутри плохо-плохо. Ведь за тем столом вчера вечером я сидел...

— А мы-то старались, красили, полировали! — сказал Федя.—И нашёлся человек, которому зря карандаш в руки попал. Надо же так стол разрисовать!

— Это не я! Не я! Не мы! — всполошились ребята. — Давайте скорее сотрём!

Один я молчал. А потом — куда денешься — собрался с духом. Вынул из сумки пенал, из пенала резинку. И сказал всё-таки:

— Я сам... сотру.

ХОЗЯИН

Сначала Гриня проснулся не совсем. Зябко ему стало. Поджал ноги, коленками чуть не к самому подбородку, свернулся колобком — не помогло. Тогда, не открывая глаз, нашарил рукой одеяло. Опять оно к стенке уползло, правду бабушка говорит: «Егозливое попалось, сладу нет!»

Натянул Гриня одеяло на себя и скоро так хорошо угрелся, вытянулся, спать бы ещё да спать.

Но лицо-то ведь он не спрятал. Лицом-то повернулся к открытому окошку. Утро, которое стояло там, за окном, принялось тихонько дуть на него. Будто умывало Гриньку, будто поило своей прохладой. А прохлада пахнет укропом, палым листом, новой кадушкой, которую бабушка прошпарила кипятком, — скоро грибы солить.

Задрожали у Грини ноздри, сами собой разлепились ресницы.

Край белой занавески на окне колыхался — под него-то и подглядывало утро туманным серым глазом и поддувало.

А в доме — ни голоса, ни стука, ни шагов.

— Пых-пых по горам, — сказал громко Гриня.

— Не спи по зорям, — отозваться бы теперь бабушке. Такая была у них утренняя игра-припевка. Подойти бы потом бабушке к нему, поворошить его вихры.— Как спали-почивали, весело ли вставали?

Но бабушка не отозвалась. Не подошла. И сестра Нянёля молчит, не торопится к нему. А может, у него носок пропал? Может, пуговица не застёгивается?

Слез Гриня с кровати, зашлёпал босиком по жёлто-

му полу. Глядит: на столе—тарелка, в тарелке — творожные крошки. В синей чашке, на дне, чёрные чаинки. Значит, Нянёля попила, поела. Без него. Как так?

Заглянул Гриня за цветастую занавеску, в Нянёлин уголок. Постель заправлена, подушка взбита. А на стене скособочились раздетые деревянные плечики. Вчера висело на них коричневое платье с белым фартуком.

И портфеля с блестящим замочком на полке нет. И подоконник пустой — унесла Нянёля пунцовую герань в свой третий класс. А на численнике палочка — первое сентября! И бабушка, значит, провожает Нянёлю в школу.

— Хоть и без матери девчонка, да не круглая сирота, проводить есть кому, — говорила вчера бабушка отцу.

И тут Гриня заревел. Он тоже хотел провожать. Ему сказали: «Разбудим». А сами не разбудили, ушли.

Реви не реви — дома никого нет, никто не видит, не слышит.

Натянул Гриня новые штаны с начёсом. Взял свитерок, смотрит — а спереди здоровенное пятно от вчерашнего киселя. Надел свитерок задом наперёд — на спине-то не видно, — вышел на крыльцо.

Махнула ему веткой рябина из палисадника, поманила красными подвесками. Выглянуло из-за облака солнце, усмехнулось. Рыжий клён у ворот сразу будто огнём занялся, кинул разлапистый листик. Покружился листик, лёг на ступеньку крыльца, раскрыл ладошку: «Здорово, друг!»

Но Гриня даже не глядит, не радуется. Обида ему глаза отводит.

Ладно, если хотите знать, он и сам дорогу в школу найдёт. Когда ездили они с отцом на ферму, то мимо проезжали. Стоит она за шоссейкой, у леса. Не больно близко. Ну и что?

Белеет у коновязи обструганная палка. Вчера это был боевой конь. Носился на нём всадник — пограничник Григорий Заплотов, высматривал нарушите-

ля. Как в той картине, которую смотрели они с Нянёлей по телевизору. Всю ночь смирно простоял коняга, прождал наездника. Возьмёт его теперь Гриня с собой, верный товарищ в пути не помеха.

На широкой улице ни души, хоть шаром покати.

Ой, нет, пожалуй, не покатишь; а то кур подшибёшь. Выбрались они из подворотни, копошатся в траве. А белый, с гребнем набекрень, петух на середину дороги ушагал, чего-то нашёл, скребёт землю лапой.

Вдруг, что за напасть, все куры как побегут, как бросятся сломя голову! Да прямо к нему, Грине. Он даже попятился.

— Оголодали? Или бабушка вас не кормила?

А петух на дороге пискнул не своим голосом. А над ним-то, над ним — коршун! Клюв горбатый нацелил, лапы вытянул, сейчас закогтит петуха. А тот припал к земле, замолк, сдаётся.

Кинулся было Гриня прочь с перепугу, но споткнулся о палку, которую держал в руке, и взмахнул ею нечаянно...

Ай да конь боевой, не дал отступить с позором, в богатырский меч превратился! Отшатнулся коршун, затормозил, захлопал крыльями, глянул на Гриню злющими глазищами — так бы и забил, заклевал. Да попробуй подступись — мечь-то вот он, наготове.

Тут ещё полоснул по улице такой пронзительный свист, что Гриня вздрогнул, а коршуна будто подхлестнуло. Взмыл серый разбойник под самые облака, метнулся в сторону.

— Левей, левей забирай! Лови сусликов на полях, а к нам не суйся! — закричал ему вслед подоспевший кстати соседский парень — тракторист Игнаша. И опять свистнул в три пальца. И подмигнул Грине весёлым карим глазом:

— Не прогадали куры, что к тебе бросились! Слышишь, что они теперь кричат?

Куры и впрямь галдёж подняли:

— Ко-о, ко-о, ко-о-ко-ко!

— Это про тебя, чуешь? «Во-от, во-от какой! Во-от,

во-от, во-от какой богатырь, какой защитник!»

Засмеялся Гриня. А что? Похоже..

— Ты никак, один дома-то? — спросил сосед и тут же сам догадался: — Бабушка Настасья, видно, твою няню Олю в школу повела? Тебя, стало быть, за хозяина оставила? Правильно, без хозяина дом сирота.

Приподнял Игнаша на прощанье кепку над кудрявой головой, свернул в проулок.

А Гриня сел на лавочку, задумался. Куда уйдёшь, если без тебя дом — сирота?

Пусто на улице, тихо... Только нет-нет да и вспомнит и заведёт какая-нибудь пеструшка:

— Во-от, во-от, во-от какой!..

СУББОТНИК

Осень наступила ясная, погожая. Под голубым небом ярко желтели берёзы и ещё крепко держали свои листочки. Но вдруг по радио тревожный голос объявил: «Ожидаются ранние заморозки». Видно, и в городе это услышали. Приехали оттуда шефы, чтобы помочь колхозу поскорее выкопать картошку.

В этот день Гриня и его сестра Нянёля остались дома вдвоём. Даже бабушка ушла.

— Уважь, Настасья Ивановна, — попросил ее председатель, — сготовь обед на всю бригаду. Не годится отпускать людей после субботника голодными.

Старшие школьники тоже отправились на работу. Нянёлю не взяли, потому что учится она в третьем классе и старшая только для Грини. Помахала она рукой ребятам, которые с песней проехали по улице в грузовике, помолчала. А потом и говорит:

— Давай, Гринька, свой субботник устроим. Я везде приберусь, пыль вытру, полы вымою, вернутся наши — никакой заботушки. Милости просим, пожалуйте отдыхать! Правильно?

Отыскала Нянёля в сенях половую тряпку. Принесла из чулана чёрный таз... Гриня молча, неотступно ходил за ней. Наконец не выдержал.

— Все ты да ты. Ишь какая хитренькая! Может, скажешь: «Поиграй, дитятко, во дворе, не суйся под ноги»?

Нянёля засмеялась: узнала бабушкины слова. И тут же придумала ему дело — послала за водой. Гриня сразу повеселел. По воду они часто вместе ходили, у них и ведёрко есть своё, не очень большое. Теперь, стало быть, он один сбегает. Один, сам по себе!

А сестра уже раскаивалась в душе, что так распорядилась. Пошла было на попятный:

— Не тяжело тебе будет? Да воды-то в корчаге ещё много...

Но Гриня не слушал, натянул резиновые сапожки, схватил ведро и был таков.

— Смотри, дополна не наливай! — только и успела она крикнуть вдогонку.

Бежит Гринька по дороге вприпрыжку, посматривает по сторонам. Хоть бы встретился кто... Ага, вот и встреча. Вышел на своё крыльцо лохматый Федюшка, грызёт семечки.

— Субботник у нас! — похвалился Гриня, тряхнул ведёрком. Надеялся, что Федюшка с ним порадуется. Но тот сплюнул кожурки, скривил губы и сказал:

— Гремит, как Буренка боталом!

Бывают же такие люди. Плюёт в сторону, а будто прямо в тебя...

Свернул Гриня за угол. Вот и водопроводная колонка посреди улицы, в деревянной оградке. Дверца заперта на крюк, чтобы ни скотина ни собака внутрь не проникли. Как откинуть крючок, куда поставить ведро, как потянуть на себя железную ручку — все он отлично знает.

Ударила в белое ведро тугая струя, вмиг наполнила до краёв. Двинулся Гриня в обратный путь. Да-а, вприпрыжку не побежишь... «Но ведь и Нянёле, поди-ка, полы мыть нелегко. А тем, кто картошку роет, и подавно. За день наломают спинушки», — думал он.

Шаг за шагом доволок свою ношу до самого дома. И тут — надо же! — споткнулся о камень. Ноги себе облил — это не беда. Беда, что выхлестнул к воротам воду, всю, до капельки.

«Эх, руки-крюки! Раскис, по бокам развис!» — горько ругал он себя. Так бабушка ворчит, когда кто-нибудь эдак оскандалится. И ещё хуже ему стало, потому что услышал ехидный смех: «Хи-хи-хи!» Конечно, это Федюшка. Вот когда он обрадовался.

— Лей, — кричит, — не жалей! Разводи болото! Получишь благодарность по затылку. Хи-хи-хи!

Стукнула калитка. Выскочила со двора испуганная сестра. Гринька глаз поднять не может. Зашмыгал носом, сейчас разревётся в голос. Пусть бы уж и вправду дала ему по затылку.

Однако Нянёля даже слова худого не сказала. Просто пожалела:

— Обидно-то как, Гринюшка... — А чуть погодя шепнула: — Федьку-дурака не слушай. Он тебе завидует. Ему никакого дела не доверяют. Крыльцо кожурками угваздал — вот и вся его работа.

Посмотрел Гриня на сестру сквозь слёзы, будто из окошка, за которым дождик идёт. Расплываются перед глазами радужные круги, застилают её лицо. Не разглядишь тёмной отметины над верхней губой, ямки на левой щеке, складочки между бровями, из-за которой бабушка расстраивается: «Кому говорят, не морщи лоб! Твои заботы впереди»... А зачем разглядывать? Он и так знает, что его няня Оля лучше всех на свете.

И опять помчался Гринька за водой, громыхая ведром на всю улицу.

А бывает и так...

ЧЕЛОВЕК В ЛОПУХАХ

В школьном саду поспела красная смородина. Куда бы Алик ни пошёл, кусты будто следили за ним — круглые, блестящие, лукавые глазки глядели на него из-под каждого листика. Глядели, манили — вот ведь какие! Но Алик держался стойко, не поддавался соблазну.

В день сбора смородины он пришёл в сад раньше всех.

«Теперь-то уж можно. Сорву-ка я во-он ту крупнющую. Потом её и не найдёшь в общей-то куче», — подумал он и пробрался к забору, где кусты разрослись особенно густо.

Ах, что это была за смородина! Каждая ягодка — тугой прозрачный шарик, наполненный прохладным соком... Алик рвал, рвал, рвал... Вот уж и кепка полна, а самые-то крупные кисти ещё висят, ещё дразнят.

Вдруг послышались голоса ребят. Алик в испуге присел, прижался к забору, сунул кепку под широкий лопух. А сердце-то как застучало!

Но сбор ягод начали с другого конца сада. Алик слышал громкие восклицания, смех, видел сквозь листву пёстрые платья, майки. Ноги у него затекли. «Эх я дурак-дурак, — корил он себя, — надо было сразу сказаться. Вот, мол, осматриваю кусты... Я уже и собирать начал, спали бы дольше!.. А теперь как вылезешь? Что скажешь?»...

— Там-тарарам, там-там, — донеслось из-за деревьев.

«Костя туш заиграл: значит, первая корзина полна. Сейчас пойдут в беседку, за круглый стол».

И верно — совсем близко прошла весёлая процессия. Впереди, конечно, Лёлька-звеньевая. Раскраснелась, распушила жёлтые волосы... Алик пригнулся пониже: он знал, какие цепкие глазищи у этой Лёльки. Заметит — разговоров не оберёшься.

Но ничего — пронесло.

Алик видел, как все рассаживались в беседке. Начинался по школьному обычаю Пир Первой Корзины...

«Ну и пусть. И я угощаюсь», — утешал он себя, запихивая в рот целые кисти смородины. Но вкуса её он не чувствовал: некогда было, старался поскорее опорожнить кепку.

— Стойте! — закричала вдруг Лёлька, так что Алик даже вздрогнул и чуть не подавился. — Подождите! Мы же не все собрались. Алика нет!

— И правда!

— Где же он?

— Почему не пришёл?

— Отложим его долю, — распорядилась Лёлька. — После отнесём. Да покрупнее отбирайте, может, захворал человек...

А человек, ещё больше скорчившись, сидел в лопухах под забором.

НЕОКОНЧЕННАЯ ЗАМЕТКА

Мама пришла с дежурства. Она медицинская сестра. Увидев, что дочь сидит за столом и что-то старательно пишет, мама спросила:

— Над чем трудишься, Анюта?

— Заметку в стенную газету пишу. Понимаешь, мам, у нас в звене есть одна девочка, которая хорошо

поёт. Задумало наше звено дать концерт. Ну и, конечно, ей главное место в программе. Не во всяком звене есть солисты, правда? Дядя Петя, баянист, репетировал, репетировал с ней, так хорошо получалось, все радовались. И что же ты думаешь! Она взяла и не пришла на праздник. Подвела всё звено. Ну скажи, если бы я так сделала, тебе бы это понравилось?

Мама покачала головой.

— Положим, я-то никогда бы так не поступила, — продолжала Аня, — и я сказала ребятам: «Надо продёрнуть её в стенгазете». А ребята говорят: «Вот и напиши сама».

— Правильно, звено подводить нельзя, — согласилась мама.

— Ну а в больнице у тебя что нового? — спросила Аня, высказав свои горести. — Как тот рыженький мальчик? Поправляется? Легче ему дышать?

Усталое мамино лицо сразу посветлело, как будто кто-то погладил её по лбу и расправил морщинки.

— Теперь наш малыш поправится: кризис миновал. Очень уж сиделка у него хорошая, он из её рук любое лекарство пьёт.

Аня уже знала, что «сиделка» мальчика, привезённого недавно в больницу в тяжёлом состоянии, его сестра, что живут они с дедушкой и девочка заменяет брату мать. Ей разрешили быть с ним в палате, потому что он без неё плакал...

— Какая заботливая, ласковая, расторопная — на диво! У нас её все полюбили, — рассказывала мама. — Ночью Рыжик метался в жару, так она глаз не смыкала. Заставили её лечь — ведь в палате есть дежурная нянечка — да куда там! Больной чуть шелохнётся — сестра уже возле него. Он и успокоится сразу.

— Лечите его скорее, а потом пусть девочка к нам приходит. Я хочу с ней дружить, — сказала Аня. — Мы всем звеном будем помогать ей нянчить братишку.

— Непременно познакомлю вас, — пообещала мама, — такая подружка много стоит.

— А как её зовут?

— Марина Лагода.

— Ма... Марина? — переспросила Аня шёпотом и так стремительно вскочила, что заметка слетела со стола.

— Что ты? — удивилась мама и поймала листок на лету. — «Нам стыдно за Марину Лагоду»... — прочитала она заголовок.

В комнате стало тихо-тихо...

— Вот как! Значит, вы уже знакомы с нашей Маришенькой, — грустно сказала мама.

Аня стояла рядом, теребила свою косичку и растерянно смотрела на мать.

ОН НА КАНИКУЛАХ

По набережной идут два паренька.

— Кр-расота! С утра — и гуляй! Ни в какую школу не опоздаешь. Хорошо, когда лето, — говорит один из них, вихрастый, худощавый, с быстрыми чёрными глазами. — Давай кто скорее обскачет клумбу на одной ножке...

Приятель только отмахнулся от него. Плотно сбитый, круглощёкий, ещё не успевший загореть, он держится солидно, молча слушает болтовню товарища и сосредоточенно пережёвывает ириску.

Навстречу неторопливо шагает пожилой мужчина в парусиновом пиджаке и соломенной шляпе. Поравнявшись с ребятами, он внимательно, чуть прищурясь, глядит на них, ещё больше замедляет шаг, будто хочет остановиться и что-то сказать, но... проходит мимо.

Вихрастый на секунду замолкает. Этот прищур,

этот большой нос, как у Зевса-громовержца из книжки о древней Греции, ему знакомы... Он тычет друга локтем.

— Видал?

— Угу, — отвечает тот, с трудом разлепляя зубы.

— Узнал?

— Ыгы.

— Это же директор вашей школы!

— Ага!

— А ты с ним не поздоровался! Почему?

Плотненький мальчик проглатывает наконец свою ириску и невозмутимо объясняет:

— Так ведь я же сейчас не в школе. Я на каникулах.

ЧЕГО ОН ИСПУГАЛСЯ

Улица полого спускается к Волге. Но если идти по ней вверх да ещё с грузом, подъём покажется крутым; запыхаешься, не раз остановишься перевести дух.

Вот и они остановились — две девочки и мальчик. Груз у них нелёгкий: гнутые железные прутья, приспособленные вместо салазок, а на них нагромождены разные жестянки, трубки, мотки ржавой проволоки. Все трое раскраснелись, устали. Одна из девочек, невысокая, смуглая, прижав подбородком к воротнику красные варежки, заправляет под шапочку свои чёрные кудряшки, но они всё выбиваются на вспотевший лоб, как упрямые тонкие пружинки. Её подруга завязывает потуже пуховый платок и облизывает сухие губы:

— Попить бы!

А мальчик, крепкий такой, коренастый, с веснушчатым носом, сдвинул на затылок ушанку, расстегнул курточку.

— Что? Не попусту, я вас на берег звал? Всегда меня слушайте: уж я-то знаю, где лом искать, — сказал он. — Утрём теперь нос второму отряду.

— Да, мы ещё сроду столько зараз не собирали.

— Ну, отдышались? Поехали дальше.

— Поехали.

Правда, едва ли можно было сказать, что они «едут», однако это никого не смущало. Они дружно поволокли свою добычу. Пускай груз тяжёлый, подъём долгий, но их ведь трое, да вдобавок из шести рук две мужские. Они как поднажмут, как подтянут — с ними не пропадёшь!

«Тройка» дошла до угла и повернула направо — во-он и школа уже недалеко.

— Ба-а, да это ведь нашего Петьку запрягли-взнуздали! — раздался вдруг насмешливый хриплый голос громко, на всю улицу.

У раскрытых настежь ворот небольшого дома стоял нескладный вислоухий парень. Белесый чуб из-под козырька чёрной кепчонки, шелуха подсолнечника на нижней губе... А из ворот вышло ещё двое таких же распоясанных, под стать ему молодчиков.

— У девчонок пристяжным!.. Го-го-го! — загоготали они, заулюлюкали.

И тут с крепкими мужскими руками что-то случилось: они словно ослабели, засуетились и бросили постромки. Девочки — одна растерянно, другая испытующе — посмотрели на своего товарища. Странное дело: перед ними был как будто незнакомый человек. Его глаза беспокойно бегали, губы растянулись в какой-то жалкой, виноватой улыбке. Кому это он улыбался так: им или парню с чубом?

— Охота тебе слушать всяких балбесов, — не выдержала чёрненькая и задорно тряхнула кудряшками. — Поехали. Дотянем вон до того столба, там опять отдохнем, а здесь нечего стоять. Ну, раз-два — взяли!

Но паренёк не подчинился весёлой команде. «У девчонок пристяжным!..» Воровски оглянувшись, словно и впрямь его уличили в чем-то плохом, стыдном, он попятился, метнулся на другую сторону улицы и исчез — только щеколда у калитки звякнула.

— Хо-хо-хо, — заливались молодчики, — держи его, девчатника!

Потоптавшись немного на месте, девочки двинулись дальше. Теперь они шли медленнее. Та, что в платочке, глядела себе под ноги, а чёрненькая задрала голову, но тоже молчала. Тянуть поклажу вдвоём стало труднее. Но, конечно, не оттого у них испортилось настроение. Ведь даже мне, видевшей всё это со стороны, и то было обидно до глубины души. Обидно за них, а ещё больше, пожалуй, за него. Чего он испугался?

ГВОЗДЬ ПРОГРАММЫ

...В переполненном зрительном зале гаснет свет. Медленно раздвигается занавес. На сцене — высокая красивая артистка в длинном бархатном платье. Она поёт, её голос переливается и звенит, как серебряный колокольчик. Весь зал замирает, а потом разражается такими аплодисментами, что, кажется, рухнут стены!..

Именно так представляет себе Алина своё будущее. Правда, она никогда не слышала звона серебряных колокольчиков, но где-то вычитала такое сравнение, и оно ей очень понравилось. В том, что оно подойдёт к её голосу, у неё не было сомнений. Ведь уже сейчас, когда она занимается только в хоровом кружке, её портрет могли видеть тысячи людей! Да, никак не

меньше: он же был напечатан в газете на видном месте.

Фотограф снял Алину на сцене Дворца пионеров. На заднем плане рояль, курчавая голова аккомпаниатора — лучшего школьного пианиста Игоря Кротовского. Всё как в настоящем театре. Под снимком была подпись: «Хорошо прошёл праздник в честь окончания учебного года. Интересной была программа концерта художественной самодеятельности. На фото — солистка детского хора Аля Залетова». Вот как!

С тех пор Алина не ходит, а будто парит в облаках. Наглаженные плечики её фартука топорщатся, как крылья, светлые волосы развеваются по ветру. Она даже сделала было себе модную причёску «конский хвостик», да папа рассердился и запретил в таком виде появляться на улице.

Все знакомые ребята смотрят теперь на Алину с почтением, а малыши здороваются раз по десять на дню; как увидят её, так и забегают вперёд: «Здравствуй, Алиночка!» Даже надоели.

Однажды к ней пришла делегация с соседнего двора.

— В воскресенье у нас будет открытие летнего лагеря. Выступишь в нашем концерте?

— А кто ещё выступает? — спросила она.

— Многие. Мы давно репетируем. Не хуже чем во Дворце пионеров будет, вот увидишь.

— Ладно, приду, — согласилась польщённая приглашением Алина.

В воскресенье двор соседнего дома был разукрашен гирляндами флажков и фонариков. Перед беседкой рядами расположились скамейки. И хотя пол беседки возвышался над площадкой всего на одну ступеньку, это была сцена.

Концерт начали двое ведущих — Виктор, похожий на задорного петушка с хохолком, и Гирей, узенькие чёрные глаза которого так и светились: видно, ему не терпелось поскорее рассказать что-то смешное.

— Слыхал, Виктор? — начал он. — У нас один спортсмен поставил рекорд по плаванию.

— Нет, не слыхал, — отвечал Виктор.

— Понимаешь, до самого звонка плыл! И по Ледовитому океану, и по Тихому, и по морям, и по суше — плывёт и плывёт!

— И какой результат?

— Два — ноль.

— В чью же пользу?

— Ни в чью.

— Как так? То два—ноль, то вничью? Не понимаю.

— Очень просто: ноль — в голове, два — в дневнике. Пользы — никому никакой.

— Постой-постой, где же всё это было?

— Да в классе же, у географической карты. Ух и плавал, понимаешь!..

Слушатели хохотали, поглядывая на «пловца», который сидел тут же. Хотя его имя и не было названо, но среди ребят секреты не держатся...

Потом беседка служила не только сценой, но и ареной: акробаты, прыгуны, фехтовальщики показывали своё искусство.

— А теперь — гвоздь программы, выступление солистки Алины Залетовой, — объявил Гирей. И со всех сторон раздалось:

— Залетова, Залетова, выходи!

— Иди скорее, — подталкивала Алину подружка Катя.

Но Алина не двигалась с места. Оттолкнув Катину руку, она громко спросила:

— Как? Вы хотите, чтобы я пела без музыки?

— Музыка есть, — блестя глазами, восторженно закричал Гирей. — Мы такой сюрприз припасли! Аккомпаниатор, пожалуйста, на сцену!

Алина невольно посмотрела по сторонам. Неужели Игорь Кротовский здесь? Он же старшеклассник, но, может быть, из-за нее, Алины, пришёл? Вот это, действительно, был бы сюрприз!.. Но почему-то не видно пышной шевелюры Игоря... Да и рояля в саду нет...

А в беседке на стуле уже сидел мальчишка, такой маленький, что едва виднелся из-за аккордеона. Алина вспомнила: в школе его звали Коля-Колобок. Он склонил к плечу круглую стриженую голову, будто посоветовался о чём-то со своим инструментом. Сверкнули перламутровые клавиши, из-под быстрых загорелых пальцев легким ручейком побежала мелодия чешской песенки «Дуй, пастух, в дудочку на заре...»

Проиграв несколько тактов, Коля сказал:

— Вот. Я все твои песни разучил. Можешь теперь всегда со мной выступать.

Ребята захлопали в ладоши. Алина встала.

— С тобой? — спросила она, презрительно улыбаясь. «С Колобком?» — хотела она добавить, но удержалась. — Не буду.

— Почему? — звонко воскликнула Катя и даже плечи вздёрнула, и брови, и острый нос.

— Уж ты-то могла бы и не спрашивать, — сказала Алина дрожащим голосом. — Нет у меня настроения— вот и всё.

Катя откинулась немного назад, взглянула так, будто хотела издали получше разглядеть что-то.

— Нет настроения? Вот тебе на! Прежде с тобой этого не бывало.

— Мало ли что прежде, — отрезала Алина, упрямо тряхнув головой.

— Ну да, прежде-то ведь про неё в газете не писали, — раздался бесцеремонный голос Виктора.

— Брось, нельзя так с гостями, — накинулся на него Гирей, но было поздно: закусив губу, Алина быстро пробиралась между рядами скамеек к выходу.

Сердито скрипнула калитка...

— Приглашают да ещё насмехаются. Ну вот вам и концерт за это, — шептала она, взбегая к себе на четвёртый этаж. — Петь-то без меня и некому. Слушайте своего нового солиста Колобка, пожалуйста... А Катенька тоже хороша, подруга, называется: меня обижают, а ей хоть бы что!..

— Чего это ты бледная такая? — обеспокоенно встретила её дома бабушка.

— Бледная?.. Голова болит, — придумала Алина и сама поверила в это, и ей стало ещё больше жалко себя.

— А ты ляг полежи, — захлопотала бабушка. Она взбила подушку на диване, распахнула балконную дверь. — Вот мы здесь просвежим-проветрим.

В комнату хлынула прохлада. Где-то прозвенел трамвай, гукнул автомобиль... И вдруг — Алина даже вытянулась вся, повернувшись к двери, — издалека донеслась музыка. А вот и голоса подхватили:

Дуй, пастух, в дудочку на заре,
От росы травушка в серебре...

И уж не Катин ли это голос нарочно звенит так высоко?

Вокруг бабушкиных добрых глаз залучились морщинки, она заправила за уши свой белый платок, чтобы лучше слышать.

— Ишь как дружно, ладно поют, — умилилась она. — Да ведь твою любимую... Это вроде в соседнем дворе, под баян.

— Под ак-кордеон, — всхлипнув, уточнила Алина и уткнулась лицом в подушку.

НЕ ТОТ ИНСТРУМЕНТ

Чем сильнее пригревает весеннее солнце, тем труднее Андрюшке сидеть в классе. Уроки кажутся длинными-длинными, будто они теперь не по сорок пять минут каждый, а часа по два!

Конечно, если приходится решать задачи или писать диктовку, не очень-то разгуляешься. Но вот на уроке труда он чувствует себя посвободнее...

Хорошо пахнут свежераспиленные доски. Школьная мастерская пропиталась этим прохладным смолистым запахом. И Андрюшке вдруг вспомнилась Волга: мокрые щепки, куски сосновой коры на воде, купание у просмолённой лодки...

— Эх, скорей бы лето! На рыбалочку бы с ночевой... — мечтательно сказал он и, поставив на рубанок локоть, подпёр ладонью щёку.

Никто ему не ответил. Может, и не расслышали ребята: ведь кругом ширкали рубанки, шуршали пилы, стучали деревянные молотки. Только учитель подошёл к нему и спросил:

— О чём задумался? Или уже устал? Вроде рано, давно ли перемена была.

— Нет, это я так, — встрепенулся Андрей и принялся строгать свой брусок, из которого должна была получиться ножка табуретки. Но воспоминания не давали ему покоя, и, когда учитель отошёл, он окликнул соседа:

— Сашок, а Сашок!

Тот поднял голову от верстака, и лицо у него было такое, будто его разбудили.

— Помнишь, как Серёжка на костре макароны варил?

Саша всё глядел вопросительно, молча.

— Ну чего глазами хлопаешь? Забыл? Как Серёжка макароны-то в холодную воду засыпал, а потом нас клейстером угощал. Ха-ха-ха!

Саша улыбнулся, кивнул головой и опять озабоченно склонился над верстаком.

— Сучок вот попался, будь он неладен!

— А ещё помнишь, как... — продолжал было Андрюшка, но сосед отошёл, понёс показать доску учителю.

«Интересно, что скажет Иван Иваныч? Надо послушать: вдруг и мне какой-нибудь сучок подвернётся», — подумал Андрей и побежал следом за Сашей.

Потом он помогал товарищу выбирать новую доску, отмерять нужную длину, смотрел, ровно ли тот отпиливает кусок. А возвращаясь на место, заодно полюбопытствовал, как идёт работа у других ребят.

— Эй, у тебя вкось поехало, — заметил одному. — Крепче нажимай, — посоветовал другому. — Ба, да ты почти кончил! — позавидовал третьему.

— Он-то кончает, — сказал учитель. — А ты что бродишь по мастерской, чего потерял?

— Ничего-о, — обиженно протянул Андрюшка и взялся за рубанок. Строгая, он удивлялся про себя: почему Иван Иваныч другим не делает замечаний, а всё вот только ему да ему? Придирается, что ли?..

Внезапно по стене, над его верстаком, скользнула серая тень: что-то мелькнуло за окном. «Мячик!» — догадался Андрюшка и, забыв обо всём на свете, кинулся к окну. Улегшись животом на подоконник, выглянул на улицу и намётанным глазом сразу оценил обстановку. У ворот, штангами которых служили сложенные столбиками сумки с книгами, создалось опасное положение: вратарь, нападающие и защитники образовали «кучу малу», а мяч катился сам по себе.

Андрей вложил было два пальца в рот и хотел свистнуть, но опомнился. Впрочем, он, может, и не опомнился бы, если бы не голос учителя:

— Ананьев! Это уже из рук вон. Ты где находишься, в конце концов? Может, тебя попросить из мастерской?

«А чего я такого сделал? Поглядел в окошко — тоже мне преступление! Ясно, придирается, — растравлял свою обиду Андрюшка, налегая на рубанок. — Сейчас вот обстругаю брусочек, сделаю ножку, такую, что заглядение. А то «попросить из мастерской...» Сразу уж и попросить!..»

Он сердито двигал рубанок вперёд-назад, вперёд-назад. Даже лоб у него вспотел! Но дело шло медленно.

Андрюшка посмотрел на соседние верстаки. Вот у Сашка рубанок ходит, как по гладким рельсам, колёсиками катятся на пол розовые стружки, и доска уже совсем ровная... У Николки пила снуёт без задержки, ни разу ни взвизгнет, не зацепится... А Семён, будто играючи, поколачивает молотком стамеску, и она выколупывает кусочки белого дерева, прямо на глазах выдалбливает аккуратное четырехугольное отверстие... Почему же у него, Андрея, не получается? Что-то тут неладно. Может, и правда, Иван Иваныч невзлюбил его, нарочно дал ему не тот рубанок?

Вот и звонок прозвенел.

— Так. Значит, табуретка всё ещё хромает, — сказал, учитель. — Обидно, право: за целый урок и такой жалкий результат.

— А мне, думаете, не обидно? — вспыхнул Андрюшка. — Небось у других-то инструмент как инструмент! Не то что у меня.

ОБРАЗЦОВЫЕ ШВЫ

Люся долго готовилась к отрядному сбору. Да и другие пионеры старались: ведь они пригласили на этот сбор ребят из другой школы и решили показать им, что умеют делать своими руками.

Мама дала Люсе длинный полотняный лоскуток, и она сделала на нём много красивых швов: ёлочкой, верёвочкой, крестиками. Кроме швов, на лоскутке появились и складочки, и мережка, и заплатки, и штопка разных видов.

— На сборе, при всех, я тут ещё пришью пуговицы и обмечу две петли, большую и маленькую, —

говорила Люся, любуясь своей работой. Правда, можно было залюбоваться: всё получилось аккуратно, ровненько!

И вот настал желанный день. Гости явились без опоздания, их уже ждало угощение. Мальчики и девочки в фартуках и белых поварских шапочках хозяйничали у электроплиток. В одной кастрюле у них клокотал тёмно-красный наваристый борщ, в другой пузырился золотистый яблочный кисель, а на сковороде подрумянивались аппетитные творожники. Это первое звено приготовило обед. Конечно, все оценили его по достоинству.

В другой классной комнате второе звено открыло ремонтную мастерскую. Здесь шипел паяльник и пахло клеем. На глазах у зрителей ребята запаяли худой таз, починили перегоревшую спираль в утюге, подклеили рассохшийся деревянный стул.

А третье звено устроило выставку-ателье. Рукодельницы развернули свои вышивки, стали снимать мерки с желающих, вырезать выкройки из бумаги.

Как и было задумано, Люся продемонстрировала своё умение обмётывать петли, после чего её полотняную полоску повесили высоко на стену.

Девочки-гостьи внимательно рассматривали образцовые швы, а потом, пошептавшись друг с другом, попросили:

— Дайте их нам ненадолго. Мы тоже хотим научиться так шить, штопать и обмётывать.

— Пожалуйста! — воскликнула Люся, обрадованная тем, что её работа привлекла всеобщее внимание. — Берите, мне не жалко. Я даже могу объяснить, как делать каждый шов в отдельности.

Она вскочила на стул, чтобы снять со стены свой образчик, да заторопилась, задела носком о сиденье стула и уронила с ноги туфельку.

— Что с тобой? Ушиблась? Укололась? — раздались участливые голоса. Ребята встревожились: так изменилась сразу Люся, моментально присела, будто кто стукнул её под коленки.

— Ничего-ничего, — прошептала она в ответ, закрывая юбкой ноги и растерянно озираясь по сторонам.

— Как ничего? Ну встань же или сядь хорошенько. Вот твоя сандалетка, надень.

— Не надо. Отойдите.

— Да что случилось, наконец? Может, врача позвать?

Тут Люся схватила услужливо протянутую ей туфлю и поспешно сунула в неё ногу. Но все успели заметить, как сверкнула из коричневого чулка её розовая голая пятка!

Смущённые гости отвели глаза.

КАК ПЕТЯ ТРАВУ СЕЯЛ

В пятый класс пришёл новичок, Петя Востриков. Он с первого дня понравился ребятам. Им говорили, что новичков надо окружать вниманием. Но Петя в этом не нуждался. Он сам всех «окружил».

— Вы ещё не были на Волжской ГЭС? А у меня там знакомый верхолаз есть. Хотите и вас познакомлю?

Ребята ещё не успели ничего сказать в ответ, а он уже продолжал:

— Стенгазету выпускаете? А где же стихи? Без стихов — одна сухота. Ну да ладно, я вас выручу. У меня уже почти готов один стишок, только сочиню последний куплет — и всё. Оставьте место...

Ребята восхищённо глядели на него.

— Требуется описание восхода солнца? Для дневника юннатов? Пожалуйста, я старый юннат. Завтра поднимусь чуть свет, захвачу краски. И будет у вас в дневнике картина: «Утро на Волге». Акварель.

Ребята рты разинули. Сколько инициативы! Звеньевые заспорили, кому взять такого активиста. Но после того как Петя пообещал принести в отряд футбольный мяч, Коля решительно заявил:

— У нас теперь звенья созданы по интересам. А в моем звене все футболисты. Значит, Востриков — наш!

— А какой у тебя мяч? — допытывался он, завладев новичком.

— Настоящий, кожаный. С новой камерой. Завтра получите.

Наутро третье звено в полном составе собралось у ворот школы пораньше, чтобы встретить Петю.

— Забросим теперь это старое чучело, — предложил вратарь Серёжа. И облезлый, заплатанный мяч, набитый тряпками, полетел далеко через забор.

— Вне игры, — смеялись мальчики.

Но Петя явился, когда уже прозвенел звонок на урок, и вошёл в класс вместе с учителем. Кроме сумки с книгами, в руках у него ничего не было.

— А мяч? Мяч? — зашептали ребята со всех сторон.

Петя удивлённо оглядывался, на его лбу гармошкой собрались морщинки: так он силился понять, чего от него хотят.

На перемене команда подступила к нему вплотную.

— Не принёс?

— Что?

— Да мяч же!

Петя хлопнул себя по лбу.

— Вот голова! Пропади пропадом! Забыл.

— А стишок? — спросила Светлана.—В газете место оставлено.

— А восход солнца? — напомнили юннаты.

— Ну, не всё сразу,—вступился за своего пионера звеньевой. — Пусть он сначала нам матч обеспечит. Мы уже вызвали команду восьмого отряда. На завтра, что ли, перенести игру?

— Конечно, — подхватил Петя. — Уж завтра-то я принесу, будь спокоен.

На другой день он опять пришёл без мяча.

— Если у вас есть старшие братья, вы меня поймёте. — И он развёл руками. — Что сделаешь со старшим братом? Сила, грубая сила. Не даёт.

Тут уж Коля рассвирепел не на шутку.

— Нечего было выхваляться, если мяч не твой! Как мы теперь восьмому отряду в глаза посмотрим? Опять отменять встречу?

После уроков футболисты ползали в сухом кустарнике за забором, отыскивая видавшую виды старую покрышку. Но кто-то уже «приделал к ней ноги». Скандал назревал потрясающий, спортивная честь звена висела на волоске, команда восьмого отряда иронизировала: «Перенесём на завтра?..»

Обстановка разрядилась неожиданно. Шефы — милые, дорогие шефы — прислали дружине подарок: полное спортивное снаряжение всем командам! На радостях ребята готовы были забыть Петину вину. Но Петя сам не хотел этого.

— Из-за меня чуть не пострадало всё звено, — сокрушался он, — над нами уже насмехались. Надо исправить положение. О нас заговорят по-другому, вот увидите. Совсем по-другому.

— Не тяни. Что ты предлагаешь? — спросил Коля.

— Теперь нам нужно настоящее футбольное поле. Давайте посеем на спортплощадке траву. Потрудимся для общей пользы.

Петя развил свой план. У него есть дядя агроном в городе Владимире... Стоит только ему написать, и он обязательно вышлет семена. А уж посеять — это дело десятое.

— А когда ты ему напишешь? — спросил кто-то из пионеров.

— Давайте хоть сейчас вместе напишем, — загорячился Петя. — А после я точный адрес у мамы узнаю и сбегаю на почту.

Ребята написали письмо, торжественно заверили совет дружины, что школьный стадион покроется зелёным ковром.

Долго ждали они ответа от дяди агронома. Уж и каникулы пришли, и надо было открывать летний спортивный сезон; все сроки сева истекли.

А в классе тем временем начинался ремонт. И однажды, помогая выносить во двор мебель, Коля нашёл в Петиной парте свёрнутый вчетверо, потёртый на сгибах листок из тетради. «Здравствуйте, Иван Иванович»! — прочитал Коля и ахнул. Это было то самое письмо, которое ребята писали с таким старанием месяц назад...

ПРОСТО СОЧИНЕНИЕ

Марина сидела за столом над раскрытой тетрадкой. Старательно вывела несколько слов, подчеркнула их красивой линией и задумалась... Но думала недолго — положила ручку, откинула со лба волосы и крикнула так, чтобы слышно было за стенкой, в кухне:

— Бабуля!

— Аюшки?

— Обед готовишь, да?

— А как же?

— Помочь тебе?

Дверь скрипнула. Бабушка, румяная от кухонного жара, с рукавами, засученными выше локтей, в белой косынке, съехавшей чуть-чуть набок, заглянула в комнату.

— Я не ослышалась? — спросила она. — Это не сон?

— При чём тут сон? — обиделась Марина. — Скажи, какая тебе нужна помощь. Ну вот, пока ты обед готовишь, что бы я могла сделать по хозяйству?

— Родненькая! Да мало ли дел. Пальцев на руках не достанет, если всё пересчитать. Пол подмести надо, подоконники вымыть — вон сколько пылищи нанесло. Пуговицы бы к наволочкам пришить...

— А ещё? — спросила Марина, что-то наскоро записывая карандашом на промокашке.

— Мало тебе? — удивилась бабушка. — Да ты что! У тебя уроки есть, разве я не понимаю. За глаза хватит и этого.

— Не хватит! — нетерпеливо прервала Марина. — Надо ещё.

— Ну... Можно бельё погладить, за хлебом в магазин сбегать... За квартиру уплатить. Да это уж я сама, где тебе!

На кухне что-то зашипело, забулькало, и бабушка, охнув, исчезла. Когда же она снова заглянула в комнату, внучки уже не было дома. «Стало быть, завтра начнёт помогать», — подумала бабушка. И — куда денешься — ещё выше засучила рукава.

Но ни завтрашний, ни послезавтрашний день не принесли ничего нового. Зато после послезавтра Марина явилась из школы весёлая, достала из портфеля тетрадку и похвасталась:

— Четвёрочку отхватила! Смотри, бабуля.

Да, в тетради красовалась хорошая отметка. А заглавие этой письменной работы было такое: «Что я делаю дома по хозяйству».

Прочитала бабушка первые строчки, всплеснула руками:

— Четвёрочку!.. За враньё-то?

— При чём тут враньё? Просто сочинение, — спокойно возразила Марина. — Со-чи-не-ни-е, понятно?

ПОДШЕФНЫЙ ДОМ

Папа уехал в Москву в командировку. Мама поехала с ним, потому что она никогда ещё не была в столице. Слава рад за них — пусть посмотрят, полюбуются Кремлём, покатаются на метро. Завидно, конечно, немножко. Ну да он успеет ещё поездить, в другой раз папа его возьмёт.

Одно плохо — жить ему, Славе, стало труднее. Раньше, бывало, всё вокруг совершалось как по щучьему велению. Не успеет он проснуться утром — а из кухни уже вкусно пахнет пирожками или лепёшками. Придёт из школы — опять пожалуйте за стол, кушайте на здоровье! Изомнётся куртка — он только подумает, что надо бы завтра её погладить, а завтра, смотришь, она висит отглаженная на спинке стула.

— Балуешь ты Славку, вырастет он неумехой безруким, — часто упрекала маму бабушка. Но мама только отмахивалась:

— Успеет ещё наработаться. У него и так дел немало: и уроки, и нагрузки всякие в отряде. Ладно уж, справляюсь пока, а подрастёт — сам увидит, что помогать надо.

— Эх-хе-хе, — вздыхала бабушка, — учи дитятко, пока оно поперёк лавки укладывается, а когда вдоль вытянется, поздно будет...

Известно, старухи всегда ворчат! И слова-то какие: «дитятко», «неумеха»...

А разве не права мама? Конечно, у Славы и своих дел хоть отбавляй. Заголовки для стенной газеты писать — раз. Книжки октябрятам читать — два. В хоре петь — три. А класс убирать? У них ведь в школе самообслуживание. Правда, дежурить приходится раза два в месяц, но всё-таки.

И ещё одно новое дело появилось: Слава будет теперь тимуровцем. Вожатая Лидия Васильевна сказала, что в райсовете дали ей список семей, которые нуждаются в помощи.

Но бабушка ни с чем не хочет считаться. По утрам будит его раньше.

— Сбегай, Славушка, за водой, надо чай вскипятить.

Это бы еще ничего, но и дневное его расписание ей нипочём. Слава повесил у себя на стенке плакат: «Мой режим дня», — там чёрным по белому написано, что после обеда полагается час на прогулку. А бабушка говорит:

— Вперёд тарелки вымой, не оставлять же их так, с объедками!

Вот минут пятнадцать из положенного часа долой! Выучит Слава уроки — надо бежать на занятия хорового кружка, а она опять останавливает:

— Книжки-то за собой прибери, внучек. А то я, старая, не знаю, какую с какой складывать.

Или вдруг ботинки ей на глаза попадутся:

— В таких-то грязнущих из дому пойдёшь! Голубчик, да тебя твои октябрята засмеют...

Ну, проходу не стало, на каждом шагу какие-нибудь тормоза! И ведь ни октябрята, ни ботинки, ни тарелки тут ни при чём — просто бабушка боится, как бы он не вырос неумехой. Иначе — трудно ей, что ли, самой ботинки вымыть? Ведь торопиться некуда: на работу не ходить.

— Напрасно ты обо мне беспокоишься, — сказал, наконец, Слава бабушке, — не безрукий я вовсе, не думай. Просто некогда мне домашним хозяйством заниматься. Пришла бы вот к нам в школу, увидела бы, как мы в классе порядок наводим. Нынче как раз моё звено дежурит, будем и полы мыть, и окна протирать.

— Да что ты? — Бабушка даже руками всплеснула. — И то, надо пойти поглядеть.

И ведь не поленилась, пришла! Да ещё вогнала Славу в краску, командовать начала:

— Не так тряпку выжимаешь, кто это её левой рукой крутит?

Будто не всё равно — левой крутить или правой? Лишь бы выжималась.

Слава думал, что его в классе на смех поднимут, но никто не смеялся. Девчонки облепили бабушку со всех сторон, стали расспрашивать, как стекла протирать, чтобы были совсем прозрачными. Чем медные ручки на дверях чистить, чтобы блестели, как золотые?

Бабушка и с Лидией Васильевной познакомилась, долго сидела с ней на диванчике в коридоре, о чём-то беседовала...

На другой день вожатая принесла обещанный список с адресами семей, над которыми надо было взять шефство.

— Для начала я сама с вами пойду по адресам, — сказала она.

Тимуровцы отправились все вместе и пока шли, группа их всё уменьшалась: в подшефные дома они заходили по двое, предварительно прикрепив красную звёздочку на воротах.

— Где же мой подшефный дом? — беспокоился Слава. — И пары мне не досталось.

— Не беда, ты и один справишься. Не безрукий ведь, верно? А дом твой уже совсем недалеко, — отвечала вожатая.

Наконец они остались с ней вдвоём.

— Значит, мои подшефные живут по соседству со мной! — удивился Слава, когда Лидия Васильевна привела его на улицу Некрасова.

— Возможно, — сказала она, разглядывая номера на домах.

— Какой номер нужен? Как фамилия семьи? — допытывался Слава. — Я же тут всех знаю.

— Да вот у меня записано: «дом № 35».

— Не может быть! — крикнул Слава. — Вы спу-

тали, не то записали. Это же наш дом, кроме нас, здесь никого нет!

Вожатая пожала плечами.

— Как нет? А Евдокия Семёновна Сидорова разве не проживает?

— Какая Евдокия Сем... — начал было Слава и осёкся, вспомнил, что это ведь бабушку так зовут.

А Лидия Васильевна продолжала:

— Да, Евдокия Семёновна — пенсионерка, ветеран труда, одинокая: сын с женой уехали, внук сильно занят... Всё у меня записано. Что, или в самом деле я напутала? Нет? Ну так прибивай звёздочку на ворота, что стоишь?

СЛУЧАЙ С ЗАДАЧНИКОМ

В классе тишина, ребята решают задачу. Слышны только чьи-то вздохи — задача не очень-то лёгкая— да скрип перьев.

Учитель Сергей Петрович прохаживается у доски, поглаживает свои тёмные волосы, и без того гладкие до блеска. Он как будто ни на кого и не смотрит, будто только и думает о землекопах из этой задачки, которые рыли канаву семнадцать дней... И вдруг:

— Лыков, ты что рисуешь?

Так и есть — углядел. Мише Лыкову всегда это кажется непостижимым: ведь он сидит аж на пятой парте, так далеко от доски! И хоть бы очки были у Сергея Петровича — всё-таки увеличительные стёкла, — нет, простым глазом вон куда достаёт!

— А я задачку-то уже решил, — отвечает Миша вставая.

СОДЕРЖАНИЕ

Вот какая история!

Дедовы ромашки . . 4
Кто сорил на дорожке . 10
Как Галинка городу помогла 13
Двор непуганых птиц . . 18
Катино новоселье . . 24
Первая роль . . 31
Про одного беднягу . 37
Вот какая история . . . 40
Я сам . . . 42
Хозяин 45
Субботник . . . 48

А бывает и так...

Человек в лопухах . . 52
Неоконченная заметка . 53
Он на каникулах . . 55
Чего он испугался? . . 56
Гвоздь программы . 59
Не тот инструмент . . 63
Образцовые швы . . 66
Как Петя траву сеял . 68
Просто сочинение . . 71
Подшефный дом . . 74
Случай с задачником . 77

ИБ № 460

Клавдия Даниловна Киршина

ВОТ КАКАЯ ИСТОРИЯ

Рассказы для детей младшего школьного возраста

Редактор В. А. Столяров
Художник С. И. Дубровина
Художественный редактор Е. В. Альбокринов
Технический редактор З. К. Яшина
Корректоры Э. И. Щербакова, Е. И. Цикель

Сдано в набор 8.12.80. Подписано в печать 10.06.81. ЕО01282. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5. Уч.-изд. л. 3,56. Тираж 100 000 экз. Цена 15 к. Заказ 7500.

Куйбышевское книжное издательство, г. Куйбышев, ул. Спортивная, 5/27.

Тип. изд-ва «Волжская коммуна», г. Куйбышев, пр. Карла Маркса, 201.